

СВЕРХДЕРЖАВА

АНДРЕЙ САВЕЛЬЕВ

КАК УБИВАЛИ СССР

КТО СТАЛ МИЛЛИАРДЕРОМ

РОКОВЫЕ 90-е
РАЗРУШЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
РОЖДЕНИЕ ОЛИГАРХИИ

Сверхдержава

Андрей Савельев

**Как убивали СССР. Кто
стал миллиардером**

«Книжный мир»

2012

Савельев А. Н.

Как убивали СССР. Кто стал миллиардером / А. Н. Савельев — «Книжный мир», 2012 — (Сверхдержава)

Двадцать лет назад в результате государственного переворота, совершенного Ельциным, его сторонниками, при поддержке зарубежных врагов нашей страны был разрушен Союз Советский Социалистических Республик. Советский Союз, несмотря на его идеологическую чуждость русской традиции, оставался для нас, русских, Родиной, которую очень часто называли «Россия» – и обычные люди, и крупные писатели. Советский Союз – это всего лишь официальное наименование государства, которое к концу 80-х годов XX века пора было сменить на название историческое и всеми любимое. Тем, кто помнит, что случилось с нашей страной 20 лет назад, тяжело смотреть, как чествуют Михаила Горбачева – инициатора расчленения страны, который имел в руках все инструменты управления, чтобы подавить крамолу и вывести страну на магистральный путь ее развития, заложенный в традиции. За короткий промежуток 1991–1995 гг. в России возникли колоссальные капиталы, власть денег приобрела гипертрофированные формы. В этот период политическая власть в стране приобрела опору в новоявленных олигархах. Ельцин приблизил группу избранных: Березовский, Гусинский, Смоленский, Ходорковский, Фридман, Чубайс. Олигархами также следует считать и крупных управленцев, также контролировавших громадные имущественные комплексы, также президентов некоторых внутренних республик. Понимание происшедшей с Россией трансформации – один из шагов к тому, чтобы выйти на путь избавления от олигархии и утверждения справедливой власти, живущей исполнением общественно полезных задач. В чем автор и видит свой гражданский и профессиональный долг.

© Савельев А. Н., 2012

© Книжный мир, 2012

Содержание

Предисловие	7
Программы и взгляды ельцинистов	9
Борис Ельцин – ставленник мятежа	27
1991 – год измен	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Савельев

Как убивали СССР. Кто стал миллиардером

© А. Н. Савельев 2012

© Книжный Мир 2012

Предисловие

«Железный закон» олигархии гласит, что в любом, даже самом демократичном обществе, непременно выделяется группа, которая концентрирует в своих руках власть и богатство. Отчасти это связано с естественной функцией государственного управления, предполагающего делегирование полномочий профессиональным управленцам. Но чтобы стать олигархией, слою управленцев надо переродиться в нечто антиобщественное, антинациональное, не имеющее ничего общего с исполнением общественно полезных задач. Однако такое перерождение происходит далеко не всегда.

В имперской России олигархии не было. Хотя управленческий слой уже переродился в бюрократию, а аристократия приобрела черты паразитического слоя. Пока во главе страны стоял Государь Император, сконцентрировать в одних руках собственность и власть не представлялось возможным. Стоило этот стержень российской государственности устранить, как она рухнула. И уже в советской системе образовалась новая бюрократия – номенклатура. Включенность в этот привилегированный слой означала доступ к материальным благам, которых народ был лишен. Символом привилегий стала система специального снабжения товарами с характерным признаком – «конвертное» поощрение партийных кадров, которые формально, на одном и том же уровне управления, получали равные зарплаты с кадрами советскими.

Коммунистическая номенклатура еще не была олигархией, но была готова к новому этапу перерождения. Управленцы, почувствовавшие свою полную независимость от народа, мечтали перейти на более высокие стандарты личного потребления – те, которые они могли видеть в зарубежных поездках по наиболее развитым странам Запада. Для этого нужно было всего-то отбросить идеологические догматы и законы, не позволявшие владеть крупной частной собственностью. При поддержке зарубежных врагов нашей страны такой переворот был совершен, и олигархия образовалась почти мгновенно.

За короткий промежуток 1991–1995 гг. в России возникли колоссальные капиталы, власть денег приобрела гипертрофированные формы, страсть к наживе охватила довольно большую часть населения, тщетно пытавшегося разбогатеть за счет участия в финансовых «пирамидах», организованных мошенниками. В тот же период политическая власть в стране приобрела опору в новоявленных олигархах, а те широко использовали в утверждении своего статуса хозяев жизни уголовников. Ельцин приблизил группу избранных: Березовский, Гусинский, Смоленский, Ходорковский, Фридман, Чубайс, Потанин. Помимо этих персонажей 90-х годов, олигархами следует считать и крупных управленцев, также контролировавших громадные имущественные комплексы и узурпировавших властные полномочия: Черномырдина, Лужкова, президентов некоторых внутренних республик – Шаймиева, Рахимова, Николаева, госпредставителей в крупнейших топливных и производственных корпорациях.

«Железный закон» бюрократии означает, что высшее руководство крупной социальной или производственной системы непременно, причем достаточно быстро лишается профессиональных навыков и приобретает нечувствительность к нравственным императивам. Чтобы удерживать власть и получать максимальную прибыль, необходимо отказаться от многого, что знал до сих пор, и отбросить нравственные нормы. Ложь становится инструментом в конкурентной борьбе, где обман народа, обман потребителя дают преимущества при удержании власти и приобретении прибыли.

Чтобы заставить общество принять такое перерождение «верхов», используются инструменты информационной войны против собственного народа, который разлагают с помощью средств массовой информации, где особое место и особые привилегии получают пропагандисты режима – профессиональные лжецы. Таковые были рекрутированы олигархией из прежней марксистско-ленинской профессуры и брошены на «промывание мозгов». Так получили

публичную известность Г. Попов, Гайдар, Собчак, Нуйкин, Лацис и многие другие «авторитеты», среди которых наиболее выделялся академик Сахаров, не успевший застать олигархию, но наговоривший немало шизофренического бреда, с радостью подхваченного наемниками номенклатуры, на глазах трансформирующейся в олигархию.

В дополнение к пропагандистскому давлению и насаждению аморализма новая бюрократия в 90-е годы пошла на силовое подавление сил сопротивления. Кровавые события 1992–1993 годов (о них читатель прочтет в этой книге) были дополнены чудовищно неэффективной войной против чеченских банд, в которой власть во главе с Ельциным многократно срывала победные операции армии и, в конце концов, в 1996 году уступила власть головорезам. В 2000-е годы этот сценарий был повторен.

Характер режима, установившегося в 90-е годы в России, следует определить как тиранию – власть немногих (олигархия), помноженную на тотальное беззаконие. В следующее десятилетие этот режим не претерпел существенных изменений. Более того, он окончательно утвердил легальность капиталов, приобретенных криминальным путем. Поэтому ранее скрытые миллиардеры стали открыто демонстрировать свое богатство, образовавшееся в результате невиданного в истории человечества грабежа собственной страны.

Можно ли что-то противопоставить «железным законам», по которым Россия получила антинародный политический режим и антинациональные имущественные «верхи»? В этой книге мы не разрешаем этот вопрос, затрагивая его только в заключении. Автор представляет лишь очерк истории 90-х годов, которые ему пришлось прожить, участвуя во многих событиях и анализируя их. Дело в том, что многие документы и высказывания известных лиц тех лет забываются. Однако, думается, стоит сохранить их для истории. Хотя действующие лица и обстоятельства с течением времени подавляющим большинством будут забыты, но общее представление о 90-х годах XX века должно быть выстроено правильно. Этому и служит книга, представленная читателю к 20-летию разрушения целостности нашей страны в результате государственного переворота, совершенного Ельциным и его сторонниками в 1991 году.

Понимание происшедшей с Россией трансформации – один из шагов к тому, чтобы выйти на путь избавления от олигархии и утверждения национальной власти. Что и является, по мнению автора, главной целью и задачей всех патриотических сил страны.

Программы и взгляды ельцинистов

Финал 80-х годов – это бурлящие собрания интеллигенции во всех аудиториях, которые только можно было задействовать. Салтыков-Щедрин писал о подобной обстановке, возникшей в русском обществе, дорвавшемся до образования, но еще не способного к здравомыслию: *«Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой – на то, что чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие – что слишком мы умны стали; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хохоча, приговаривают: ну где такое безобразие видано?! Даже расхитители казенного имущества – и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет».*

Где бы ни собирались «демократы» – набивались полные залы. Преимущественно это кипение разума возмущенного происходило в Москве, в аудиториях московских вузов. Но казалось, что сотрясается все страна. Московская интеллигенция валом валила на собрания, которые казались каким-то откровением, прорывом к информации, доселе недоступной, общением к творящейся на глазах истории.

Сегодня мало кто помнит, что тогда говорили «демократы», чего требовали, чего обещали на случай прихода к власти. Собственно, о власти они и не мечтали. СССР и при нарастающем хаосе оставался незыблемым, поскольку подавляющее большинство народа хоть и липло к телеэкранам, где начали транслировать политические спектакли, но все же не помышляло о том, что страну можно расчленить или отдать власть в руки вот этим горлопанам. То же самое было и в элите: там, где знали, сколь тяжело нести ответственность власти, никто не рассматривал Ельцина, Гавриила Попова или Собчака как потенциальных властителей. В них видели разве что инструмент для снятия устаревшей и нетворческой «верхушки» КПСС.

Так о чем же вещали «демократы», внезапно получившие всеобщую известность – сначала по публикациям, а с 1989 года – по трансляциям Съездов народных депутатов?

Главное, на чем строился теневой интерес слоя политиков, возникшего из тусовок неформалов и «демо-коммунистов», – это реформа государственной власти, способная перераспределить властные полномочия и хотя бы слегка расчистить иерархическую пирамиду. Но в 1989–1990 годах этот вопрос еще не был основным, о разрушении государственного единства и системы хозяйственного управления еще никто не помышлял. Правда, КГБ уже был сортирован на изменников, которым позволялось говорить все, что угодно. Но за прямые призывы к разрушению страны еще можно было если не угодить за решетку, то заслужить всеобщее презрение. Народ хотел иной жизни – более свободной, но вовсе не собирался разрушать свой дом.

В то время депутаты СССР, получившие статус народных избранников на 90 % по номенклатурному признаку, лишь осваивались в ощущении своей избранности, которая представлялась им значительным историческим событием. Они были еще неопытны при исполнении своей роли в быстро меняющейся ситуации, ими легко было манипулировать. Они не противились, они привыкли быть объектом манипуляций. Клан номенклатуры КПСС был в этой компании на порядок сильнее всех остальных группировок, и его правила игры практически никем не оспаривались. Но вот из недр второго эшелона номенклатуры выделяется Межрегиональная депутатская группа (МДГ). Ее публицистическая энергия и массивная агрессивность внепарламентских сторонников делают имя Г. Попову, А. Собчаку, С. Станкевичу, Ю. Афанасьеву и другим. Над всем этим шумом и гамом реет где-то в заоблачных высотах популярности обиженный властями любимец публики Б. Ельцин. Новизна этой нетрадиционно скандальной фигуры посреди номенклатурного единства привлекает всеобщее внимание.

Все вроде бы есть у претендентов на симпатию народа, но формирование реальной оппозиционной силы как-то не клеится. Уже возникают зародыши политических партий, уже проходят первые демократические демонстрации, а лидеры МДГ лишь блещут речами в парламенте. По свидетельству Г. Попова («НГ», 10.12.93), парламентские демократы все лето 1989 года работали над созданием программы объединения оппозиции в единый фронт. Наспорившись вдоволь, вопрос отложили, оставив лишь один лозунг: отмену 6-й статьи Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС. Единой платформы не было, дальше общих лозунгов дело не шло. Экономисты, юристы, историки не могли предложить ничего такого, что не придумал бы Горбачев. Принимать на себя ответственность за организацию массового движения лидерам МДГ, удобно устроившимся в депутатских креслах, не хотелось. Да они и не знали, как это делается. Знающие подтянулись в основном позднее, получив инструкции за рубежом.

Свидетельств о внутренней деятельности МДГ – этого зародыша нового номенклатурного спрута – не так много. Только небольшие дозы информации о деятельности МДГ просачивались в самиздат, пугая правоверных коммунистов своей заливчатской нахрапистостью и готовностью порушить все основы. Примерно такого рода черновые наброски попадали в руки жаждавших новизны граждан.

Уровень политического программирования виден из тезисов к платформе межрегиональной депутатской группы:

«Основополагающими принципами взаимоотношений между народами являются право наций на самоопределение и суверенитет, а также их равенство, независимое от численности...»

Предлагается унификация иерархии национально-государственных образований, и оставить только союзную республику, выделить Россию из Российской Федерации. Языки народов, давших наименование республикам, получают статус государственных. Русский язык – только на территории России...

В союзном договоре предлагается предусмотреть права вступления, выхода и исключения республик...

Утвердить в специальном декрете, что в СССР нет и не может быть иного источника политической власти, кроме Советов народных депутатов. Сделать местный Совет главным арендодателем и распорядителем природных ресурсов на подведомственной территории...

...отраслевые министерства ликвидируются, а вместо них создаются группы специалистов при Госплане».

Из этих строк вполне ясно, что и через десятилетия деструктивные выдумки продолжают присутствовать в общественном сознании. Например, идея равенства народов, которой не может существовать в принципе, поскольку природа дает уникальные черты и способности не только отдельным индивидам, но и целым народам. Для индивидов с некоторыми допущениями возможно правовое равенство, в котором способности в любом случае дают некоторые преимущества (общество развивается, когда более способным предоставляются большие права), но народы никак не могут быть очерчены правом, а тем более наделены какими-то равными правами. Народы могут иметь историческую память, менталитет, какие-то антропологические свойства, но никак не могут иметь прав. Права имеют граждане, но не народы. Это правило попытались опровергнуть «федералисты» – большевики, а в наши времена – либералы. Тягчайший кризис государственности в первом случае наступил, как только был снят интернациональный партийный диктат, а во втором случае кризис оказался перманентным даже в мононациональном государстве. Смягчить его смог только Путин – введением все того же партийного диктата космополитической партии «Единая Россия» и управляющего ею закулисного клана олигархии.

К 1990 году отстоялся еще один консолидирующий демократов лозунг: «Вся власть Советам!». А к очередным выборам из недр узкой интеллектуальной тусовки всплыла программа

избирательного блока «ДемРоссия». Опубликовал эту программу флагман нарождающейся депрессии – журнал «Огонек». Здесь уже есть за что зацепиться по существу.

Высказанные в 1990 году обещания стали основой предвыборных программ для всех, кто причислил себя к демократическому блоку. Но разительное несоответствие публично заявленных целей и средств и результатов было видно уже в 1994 году – и в разгоне Советов, и в разграблении собственности, и в обнулении сбережений граждан.

Итак, процитируем этот воистину исторический документ – пример оболванивания народа:

ПРОГРАММА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКА «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ» (1990 г.)

«Общую политическую ориентацию этого широкого объединения будут определять программные документы Межрегиональной депутатской группы, гуманистические идеи нашего великого современника АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА, предложенные им Декрет о власти и проект новой Советской Конституции.

Мы – убежденные сторонники гражданского мира, а не гражданской войны, к которой сознательно и бессознательно подталкивают те, кто заняты поисками врагов в нашем обществе, кто взвинчивает истерию ненависти. Мы отдаем должное инициаторам перестройки и хотели бы видеть в них сторонников, а не противников.

Однако положение быстро меняется. Консервативные поборники аппарата, поборники равенства в нищете, люди, разжигающие зоологический шовинизм, быстро организуются и выступают теперь единым фронтом. Реформаторы из партийно-государственного руководства, к сожалению, не всегда остаются тверды по отношению к их нажиму.

В то же время в политику втягиваются массы людей, начало формироваться независимое рабочее движение, страну потрясли шахтерские забастовки, во время которых были выдвинуты демократические политические требования. Перемены, начатые сверху и блокируемые влиятельными силами, в том числе в высших эшелонах власти, подталкиваются теперь снизу.

В этих условиях демократы не могут быть лишь эшелоном поддержки реформ, проводимых руководством страны. Они могут и должны стать самостоятельной политической силой. В одних случаях обеспечивать поддержку реформаторам, в других – выступать с критикой их непоследовательности, политических ошибок и экономических просчетов, в третьих – предлагать собственную альтернативу».

Остановим цитирование на преамбуле и посмотрим на этот энергичный текст глазами человека нашего времени. Очевидно, что ложь начинается с самого начала. От борьбы за власть Советов, от сахаровских разработок («Декрет о власти» и «Проект Конституции») верхушка «ДемРоссии» перешла к борьбе против Советов сразу же после выборов 1990 года. Ей нужна была не власть Советов, сгинувшая в 1918 году, а просто власть – власть собственной группировки, которой она добивалась, координируя усилия в закулисных сделках и сговорах.

Речь в программе шла об опасности гражданской войны и страшных планах консервативного аппарата. Вместе с властью, как показал опыт последующих лет, «демократы» усвоили и методы аппарата. Это и разнообразные способы ведения «холодной гражданской войны», и вживание психологии потребительства при равенстве в нищете, и прикорм узкого окол властного слоя журналистов и специалистов, и использование госаппарата в политических целях. А пока надо было играть роль миротворцев, повторяющих вслед за испуганными обывателями: «Лишь бы не было войны».

Продолжим цитирование, чтобы вспомнить о тех альтернативах, которые лидеры «ДемРоссии» пытались выставить в пику партхозноменклатуре.

«Основополагающие принципы ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ: государство для народа, а не народ для государства, приоритет интересов личности перед интересами государства.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР должен сделать то, чего пока не удалось достичь на общесоюзном уровне – взять на себя ВСЮ ПОЛНОТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РСФСР. Блок «Демократическая Россия» сделает все, чтобы Съезд осуществил следующие первоочередные политические преобразования:

– Безотлагательно утвердил основные принципы новой демократической Конституции РСФСР. Она должна строго соответствовать Декларации прав человека ООН и другим международным соглашениям и правам, а законы Республики – гарантировать осуществление этих прав.

– Необходимо положить конец монополии одной партии на власть, отменив статью 6 Конституции РСФСР. Следствием этого должны стать лишение непосредственной власти партийных комитетов всех уровней, ликвидация всех форм контроля партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, прекращение их деятельности в армии, правоохранительных органах и дипломатической службе.

– Гарантировать гражданам России безусловное право объединяться в партии, организации, союзы; установить для общественных организаций заявительный, а не разрешительный порядок регистрации. Преследованию в судебном порядке, вплоть до запрещения, подлежат лишь те из них, которые призывают или потворствуют насилию, проповедуют идеи расовой, национальной, религиозной, социальной исключительности и вражды.

– Отказаться от двухступенчатой структуры Съезд – Верховный Совет, разрывающей прямую связь постоянно работающего высшего органа власти с избирателями.

– Совершить переход от разрешенной гласности к действительной свободе слова и печати. Немедленно ввести в силу в России последовательно демократический закон о печати, предусматривающий предоставление права бесцензурной издательской деятельности общественным организациям и частным лицам. Центральная газета РСФСР и канал телевидения России должны стать органом Съезда народных депутатов.

– Провозгласить реальную, а не на словах, свободу совести, распространить на религиозные общины права общественных организаций, вернуть храмы верующим.

– Съезд должен ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней опасности и террористической деятельности, поставить КГБ, МО, МВД под эффективный контроль выборных органов власти».

Снова прервем цитирование и спросим себя, отчитались ли Ельцин, Попов, Собчак, Станкевич и другие за реализацию этой программы? Нет, таких отчетов не было. Завоевав формально верховную власть в России, демократы занялись завоеванием реальной власти. Но не путем усиления взятого ими под контроль Съезда, Верховного Совета, Моссовета и пр., а путем закулисной игры, путем торговли с той самой партхозноменклатурой, против которой они особенно ярко выступали с трибун, начиная с 1991 года.

Всю полноту государственной власти получил отнюдь не Съезд, отнюдь не Советы. Власть от КПСС перетекала, минуя народных избранников, напрямую к окружению председателя Президиума Верховного Совета (а потом Президента) Б. Ельцина. Всюду, где «исполкомия» была отделена демократами от «совдепии», номенклатура восстановила власть над умами, впитав в себя светлые идеи демократических публицистов и ораторов. Для того чтобы «исполкомия» проглотила «совдепию», много времени не потребовалось. Закулисный сговор сложился почти мгновенно.

Заметим в этом тексте русофобский рефрен, почерпнутый из зарубежных источников. Там, где не наблюдалось никакой национальной, религиозной, расовой, социальной розни, уже намечались репрессии против партий и организаций, которые подобную рознь проповедуют. Из этого следует, что врага «демократы» себе придумывали заранее, и главным врагом для них всегда был русский народ. Те, кто выступал на стороне русского народа и России в ее историческом облике, должны были быть подвергнуты репрессиям. Последующие 20 лет показали,

что «демократы» не гнушались никакими методами для того, чтобы не дать русским людям пользоваться правами, провозглашенными в принятой «демократами» Конституции, а русские организации – подавить и уничтожить.

Смотрим дальше на эту декларацию врагов нашей государственности, вполне откровенно обещавших нам уничтожение нашей страны.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ имеют решающее значение. Без них не будет ни материального достатка, ни уважения к человеческому достоинству людей, ни культурного возрождения России. С другой стороны, все достижения перестройки нельзя считать необратимыми, пока не заработает ЗДОРОВАЯ ЭКОНОМИКА, пока широкие массы народа не почувствуют реального улучшения в повседневной жизни. Разгорающийся ныне спор об экономической политике – это спор между теми, кто озабочен в первую очередь распределением и перераспределением имеющегося национального дохода, и теми, кто добивается создания экономического механизма, способного его наращивать количественно и улучшать качественно. Этот спор нередко приобретает идеологическую окраску: социализм или капитализм. Перевод разговора в эту плоскость вовсе не дает ответа на вопрос: какая экономика нам нужна.

Пора сделать практические выводы из того, что доказано мировым опытом. Современная высокоразвитая экономика, работающая на потребителя, а не на показатели плана, в любом ее варианте включает:

- рынок как государственный регулятор хозяйства*
- систему государственных рычагов экономического регулирования, находящуюся под демократическим контролем*
- экономическую самостоятельность предприятий*
- эффективную антимонополистическую политику*
- многообразие и юридическое равенство разных форм собственности: государственной, акционерной, кооперативной, частной и т. д.*
- мощные механизмы экологической безопасности и социальной защиты».*

Что же вышло на деле? Одни принципы были применены для большинства населения, другие – для избранных, которыми стали представители старой и новой номенклатуры, разбавленные криминалитетом. Если большинству пришлось искать способы выживания в условиях «шокотерапии» и насильственного введения экономических отношений раннего капитализма, то номенклатурные группировки получили возможность обеспечить себя не хуже своих западных коллег. Самостоятельность предприятий, лишенных оборотных средств, стала причиной их бесхозности и смерти. Или приватизации за гроши. Зато монополии выжили и превратились в кормушки для начальства, сочетавшего коммерческую деятельность с государственной службой. Вместо оздоровления экономики была реализована программа ее умерщвления. Большая экономика стала полумертвой экономикой. Это главное достижение «ДемРоссии» и ее лидеров. А о том, что написано в программе, никто и не вспоминал.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА правительства, декларируя движение к рыночной системе и предусматривая некоторые разумные меры, не обеспечивает все же неотложного становления новых хозяйственных структур, а хозяйственная практика дискредитирует экономическую реформу в глазах народа. Чтобы осуществить трудный переход, надо разработать и провести в жизнь две взаимосвязанные, но разные программы:

- основную, предусматривающую безотлагательное создание эффективного рыночного сектора – локомотива развития и преобразования экономики – в первую очередь, путем преобразования значительной части государственной собственности в иные формы;*
- вспомогательную, включающую комплекс мер, смягчающих издержки переходного периода и противодействующих снижению жизненного уровня населения и прежде всего малообеспеченных слоев.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА должна, в частности, предусматривать:

- законодательное закрепление права граждан на гарантируемый минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен;
- замораживание цен и сохранение государственных дотаций на основные виды продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен;
- привязку всех пенсий к динамике заработной платы и индекса цен;
- установление гласного контроля над общественными фондами потребления и распределением государственного жилого фонда, реализация программы трудоустройства, переобучения и компенсации трудящимся, задетым глубокой структурной перестройкой экономики и сокращением аппарата управления и армии.

Нужные для этого средства могут быть получены за счет резкого сокращения непроизводительных расходов, в особенности военных, и привлечения внешних ресурсов в разумных пределах, а не работой печатного станка. Необходимо также немедленно ликвидировать все привилегии номенклатурных работников – не столько как средство решения наших экономических проблем, сколько как элементарное нравственное требование к руководителям государства, десятки миллионов граждан которого живут за чертой бедности».

Раздел программы о социальных гарантиях выполнен с точностью «до наоборот». Ни индексирования, ни замораживания цен никто и не подумал проводить. Наоборот, была реализована варварская либерализация цен, разрушившая не только социальную стабильность, но и основы финансовой системы. Общественные фонды потребления просто исчезли в карманах чиновников и уголовников, ставших предпринимателями. Структурная перестройка в экономике пошла особым путем: превратила страну в сырьевой придаток Европы и Азии, выгнала с предприятий наиболее квалифицированные кадры, за пределы страны – наиболее талантливых ученых. Заниматься их трудоустройством при растаскивании собственности новой номенклатуре было некогда.

«Болевая точка нашей экономики – продовольственная проблема. Нельзя дальше откладывать решение ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ. Мы предлагаем:

- тот, кто может и хочет работать на земле, должен получить безусловную свободу выбора формы ведения хозяйства, равно как и гарантии, что никогда более не повторится трагедия «раскулачивания»;
- надо узаконить передачу земли в бессрочное владение или частную собственность тем, кто занят или желает заняться сельскохозяйственным трудом;
- поток государственных капиталовложений и кредитов, бесплодно расточаемых и пожираемых органами управления на селе, должен быть переадресован в руки тех, кто станет хозяином земли, а не поденщиком».

Ничего не вышло у демократов. Они оказались неспособны предложить что-либо взамен колхозному строю и лишь порушили то, что с таким неимоверным трудом получило село в послевоенные годы. Частная собственность на землю стала привилегией немногих, быстрыми темпами начала развиваться спекуляция землей (особенно в Подмосковье). Обрабатывать землю скороспелые частные собственники в большинстве случаев не могли или не собирались. А те, кто мог и хотел, были опутаны бесчисленными нормами и чиновничьим рэкетом, дополнившим рэкет уголовников, устроивших в 90-х годах по всей стране самую настоящую резню – все трудоспособные и творческие силы оказались под прессом этого альянса чиновников и бандитов, рвавших собственность на части, получая за бесценок то, что создавалось трудами поколений. Не умея управлять тем богатством, что вдруг свалилось им на голову, не понимая его ценности, они просто разорили страну.

«Один из самых сложных вопросов в нашей стране – НАЦИОНАЛЬНЫЙ. Все народы страны в равной мере оказались жертвами тотального разрушения личности, природы и культуры. Русский народ, создавший великую культуру мирового значения, ущемлен, наравне с другими народами Российской Федерации, в своих национальных чувствах. Его оскорбляет отождествление с тоталитарным режимом. Растворенность российских общественно-политических структур в общесоюзных структурах лишает русский народ и вместе с ним другие народы, живущие на территории Российской Федерации, собственной государственности и осложняет их отношения с народами других республик.

Мы обеспокоены тем, что определенные силы, не встречая серьезного сопротивления, разжигают национальную вражду и подозрительность. Предъявление счетов одними народами другим может привести лишь к трагическим последствиям. Отношения между народами должны опираться на приоритет общечеловеческих ценностей над национальными.

Исходя из этого, перед Съездом народных депутатов РСФСР будут стоять следующие задачи:

– Необходимо провозгласить и законодательно закрепить суверенитет Российской Федерации. По новому Союзному договору, который должен быть разработан и заключен в кратчайшие сроки, в ведении Союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками. Законы Союза должны вступать в действие лишь после их ратификации высшими государственными органами государственной власти республик. Надо создать завершенную систему органов государственной власти и управления в России.

– Демократическое решение национальных проблем, возникающих в самой Российской Федерации, – в настойчивом поиске вариантов, исключающих всякое национальное ущемление и не задевающих ничьи национальные интересы, в гибком сочетании суверенитета, территориальной и национально-культурной автономии народов России, разработке юридического механизма и форм реализации права наций на самоопределение.

На исходе двадцатого века только переход от тоталитаризма к демократии откроет путь к возрождению всех народов России».

Самое поразительное, что, провозгласив нечто о русском народе, «деморосы» тут же стали попирать русских с удвоенной энергией. Прежде всего, русским отделили только и исключительно Российскую Федерацию, как будто вся остальная страна была для них чужой. Только годы спустя обнаружилось, что отделение РСФСР от СССР в декларированном суверенитете стало предательством 25 миллионов русских людей, а также еще нескольких миллионов людей русской культуры.

Безусловно, требование приоритета прав республик над правами союзного центра – это декларация государственной измены и разрушения государства. Декларирование подобных требований должно было привести к немедленному аресту их авторов и роспуску всех общественных структур, замеченных в симпатиях к ним. Увы, предательство в высшем руководстве страны, кругами расходящееся от президента СССР М. Горбачева, а также прямая измена, свившая себе гнездо в недрах КГБ СССР, позволила сепаратизму развернуться в полную ширь, стать главным инструментом «демократов» в борьбе за власть. И разрушение страны было единственным итогом их деятельности, после чего большая их часть была отправлена на политическую пенсию, а ведущие посты в государстве заняли быстро сформировавшиеся олигархические группировки.

Поиск «демократами» решения национальных проблем привел к дальнейшему ущемлению прав русских, которые не только продолжали кормить экономически менее развитые этносы, но еще и подверглись геноциду со стороны этнократических режимов, образовавшихся на обломках СССР. «Общечеловеческие ценности» стали основой для дальнейшего разрушения русской культуры, внедрения на ее место всего самого гнилостного, что только смогли отыскать «демократы» на Западе. Формально суверенитет Российской Федерации был провоз-

глашен, но реально он оказался имитацией – РФ стала государством зависимым, управляемым преимущественно извне, ее народ лишен каких-либо прав решать свою судьбу. А историческая Россия оказалась расчлененной. Ведь РФ не только территориально не совпадает с Россией, но и сущность этого образования не имеет с исторической Россией ничего общего. Власть, утвердившаяся в этом осколке страны, была антирусской, антироссийской, отвратительной во всех своих проявлениях. Таковой она осталась и до наших дней, когда вопрос о скором конце истории нашего народа и государства стоит на повестке дня как никогда остро и обещает нам похороны каких-либо перспектив в самые ближайшие годы.

«Наша страна – не только перед выборами, которые решат многое. Она – перед выбором: пойдем ли мы вслед за большинством европейских стран по трудному, но мирному, демократическому, парламентскому пути преобразований, которые, в конечном счете, дадут хлеб и свободу всем, или нас ждут кровавые потрясения.

Чтобы отвести опасности неконтролируемого развития событий и восстановления диктатуры в любом идеологическом оформлении, мы призываем кандидатов в депутаты и избирателей поддержать платформу ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКА «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ».

Да, тогда казалось, что мы пойдем за европейскими странами. Но мы пошли совсем в другую сторону – во времена, которые минули в Европе целый век назад. Нас повели заворожившие своими лозунгами лидеры, которые сами не знали, куда идут. Им интересны были не результаты, а процесс обогащения и наслаждения внешними атрибутами власти. Мы вдоволь надышались пылью этого пути, отхаркиваясь кровью уже два десятка лет. Мирный пейзаж, померещившийся на горизонте, обернулся войной. Демократия преобразилась в уголовщину, в прямую измену. Парламентаризм был расстрелян из пушек и заменен тиранией олигархии. Вместо хлеба и свободы мы получили кровь и нищету. Голосуя против мерзостей действующего в 1990 году режима, мы утвердили у власти стократ более отвратительный режим.

Российские либеральные реформаторы и теоретики добивались власти на критике режима и часто прикрывались при этом марксизмом. Из российских либеральных «теорий» перестроечного образца можно назвать работу Гавриила Попова «Что делать?» («КП», 12.11.91), ставшую, по нашему мнению, катехизисом революционного либерализма, от которого за версту разит марксистской методологией. Миллионные тиражи брошюры, опубликованной одной из массовых газет, стали идеологической базой разрушения нашей государственности в 1991 году.

В работе Попова содержался целый набор фундаментальных тезисов, которые были по-марксистски антигосударственными и антисоциальными: государство ликвидировать, а экспроприаторов экспроприировать. Прежде всего, отметим тезис, который выдается в качестве экономического постулата: главное в экономике – *дележ государственной собственности* между новыми владельцами. Знаменитое «отнять и поделить» приобрело у либерального теоретика новое – «демократическое» – звучание. Но поменялась ли от этого суть?

Нежелательный вариант перераспределения собственности виделся либералам в ее недемократическом присвоении бюрократией. Но именно таким путем либеральной бюрократией при поддержке либеральных теоретиков и пропагандистов, которых тоже иногда брали в долю, был осуществлен слом российской экономики. Собственниками стали как старая бюрократия, так и новая, но никак не рядовые граждане России. Населению достались фиговые листочки ваучеров, номенклатуре и ее обслуге – «общенародная» собственность.

Главным идеологическим «коньком» революционных либералов с 1990 года (сразу после выборов) стал *тезис о неэффективности системы Советов* и обвинение всех своих врагов в необольшевизме. На большевиков, давно сгнивших в своих могилах, списывали либералы и все безобразия, творимые ими в современной России. И шли по стопам большевиков, которые легко принимали и легко снимали с повестки дня лозунг «Вся власть Советам!».

О неработоспособности Советов теоретик «русского либерализма» Г. Попов говорил в бытность председателем Моссовета (1990 г.): «...советская система находится в кризисе именно как советская система, ибо она была своего рода кукольным театром, где нити держала правящая партия. Когда кукольный театр попытались сделать живущим самостоятельно, реально выяснилось, что механизм этот малоспособен». Примерно через год он выступил с обращением к москвичам, в котором писал, что Советская система – это «мощная голова в виде Советов и весьма слабое “тело” в виде исполнительных органов». И делал вывод: надо перераспределить власть, ибо «...какое обсуждение возможно среди нескольких сотен человек, когда автор предложения не то что ответить или пояснить, а вообще, в лучшем случае, может выступить только один раз, а многие его оппоненты не могут выступить ни разу? Представительный орган нужен, но только в составе нескольких десятков депутатов – не более».

Взамен Попов предлагал очередную реформу: «... избранный народом мэр будет независим от Совета. Эта независимость – азбука демократии. Зависеть нельзя ни от органов, ни от депутатов. Зависеть надо только от народа. Народ избирает Совет и мэра, и естественно, они друг другу не подчинены. <...> Итак, надо резко укрепить исполнительную власть, вывести её из-под ежедневной опеки (превращающейся порой в ежедневный террор) местных Советов. У обеих властей есть своя сфера. А кто из них прав – будут решать избиратели на следующих выборах».

Тезис о необходимости десоветизации также попал в брошюру «Что делать?» в разряд фундаментальных (и был, в конце концов, закреплён залпами танковых орудий по парламенту). Этот «фундаментализм» теоретиков российского либерализма проистекал из нежелания отвечать за результаты своей работы в прежней государственной системе. На систему пытались свалить свою беспринципность, бездарность и другие грехи.

Следующий тезис – дефедерализация (в нашем понимании здесь следует говорить о **денационализации** – о лишении русской нации национальных особенностей, то есть о ее фактической ликвидации). Поповский рецепт якобы оздоровительных государственных реформ абсурден до предела: на месте СССР формируются «три, четыре, а то и пять десятков независимых государств»! Тут несколько русских республик – Россия, несколько украинских республик – Украина, и союз союзов с непридуманным названием.

Все это один в один – ленинская концепция, расчленившая пространство Российской Империи на союзные республики. В результате – «коренизация», выращивание этнической бюрократии. По этому пути направил Попов ельцинистов, «спецов» по национальному вопросу Тишкова, Абдулатипова, Михайлова, Зорина.

Автор данного тезиса сам чувствовал его абсурдность: «Надо откровенно сказать, что даже среди демократов демократический вариант дефедерализации не имеет поддержки большинства. <...> И все же долг демократов – выдвинуть демократический вариант дефедерализации, каким бы нереальным он не казался».

И все-таки запредельная абсурдность стала реальностью. Два десятка государств на месте Союза ССР все-таки возникло (считая практически обособленные от России Татарстан, Чечню, Приморье, Якутию, Калининград и другие территории, а также Приднестровье и Абхазию).

Наиглавнейший компонент либеральной идеологии – **антиисторизм и антитрадиционализм**. Традиция у либерала всегда вызывает невольное отвращение. Даже здравый политический прагматизм не может вынудить его учитывать историческое прошлое. И даже либерально-патриотический синтез, к которому призывали разного рода «теоретики» в начале 90-х и продолжают призывать теперь, представляется как освобождение от привязанности к прошлому. Патриотизм для них – это всего лишь внешняя лояльность к либеральной (а на деле просто русофобской) власти.

Фундаментальные принципы либералов-теоретиков позднее были восприняты, дополнены и развиты программой недолго существовавшей Российской партии социальной демократии Александра Яковлева (1995 г.). **Региональный сепаратизм** в Программе РПСД рассматривался как крайняя форма выражения нормального процесса передачи значительной части административной и экономической компетенции из центра на иные уровни. А. Яковлев перелицовывал старый ельцинский принцип о свободном «потреблении» суверенитета: «больше власти, больше ответственности – и тогда никто и ничто не может порушить целостность России».

Расчленение России на регионы – новое завоевание либеральной мысли. Тут, очевидно, снова стоит процитировать Салтыкова-Щедрина, который еще в прошлом веке писал: *«Главная цель, к которой ныне направлены все усилия уездной административной деятельности, – это справляться дома, своими средствами, и как можно меньше беспокоить начальство. Но так как выражение “своими средствами” есть не что иное, как вольный перевод выражения “произвол”, то для подкрепления его явилось к услугам еще и выражение: “в законах нет”. Целых пятнадцать томов законов написано, а все отыскать закона не могут! Стоят эти томы в шкапу и безмолвствуют; а ключ от шкапа брошен в колодезь, чтобы прочнее дело было». «Недаром же так давно идут толки о децентрализации, смешиваемой с сатрапством, и о расширении власти, смешиваемом с разнузданностью».*

В программе Яковлева было всё то же, что уже сформулировал Попов, все тот же абсурд, но положенный на партийное основание. Планировалось продолжение насилия над страной союза революционных либералов и номенклатуры в сочетании с пропагандистскими фальшивками о законности и национальных интересах. Вот их собственный прогноз итогов номенклатурных реформ, в которые Яковлев и Попов вложили немало личных сил: *«Процесс деградации будет столь мощным, что Россию и русский народ ждет анархия, и Россию может постигнуть судьба стран и народов, не сумевших вписаться в ход истории. И Россия разделит судьбу Древнего Египта, Рима или Византии»* («Что делать?»).

Особенностью российского либерализма также является чрезвычайная скудность идейных разработок по проблемам государственности. Концептуальные моменты обычно тщательно обходятся, их приходится вылавливать по крохам.

Так, Егор Гайдар писал в статье «Новый курс» (1994 г.): *«Сверхусилия государства даются дорогой ценой – ценой истощения общества. <...> Каждый раз в экстремальной ситуации государство насильствовало общество, обкладывая его разорительной данью. <...> Идеология реформы, которую мы начали в 1991 г., была совершенно противоположной. Поднять страну не за счет напряжения всей мускулатуры государства, а как раз наоборот, – благодаря расслаблению государственной узды, свертыванию государственных структур. Отход государства должен освободить пространство для органического развития экономики. Государство не высасывает силы общества, а отдает ему часть своих сил». Это называется «методологически новым» рывком русской истории!*

В одном из своих многочисленных интервью Гайдар («ВМ», 29.03.95) утверждал, что модель западной цивилизации – демократия, рынок и частная собственность – завоевывает мир. А весь секрет экспансии – свободная рыночная экономика. Выстраивается политическая позиция, согласно которой надо только убрать мечтающих о нагайке для народа коммунистов, лжепатриотов, лжегосударственников и фашистов, чтобы поверить в свои силы и свою способность жить, как на Западе. Логичным условием для внедрения этого нехитрого, но якобы сулящего благоденствие принципа, становится **ломка национальной экономики и государственности**. Если мы хотим добровольно на него согласиться, то обязаны отказаться от всего, что в данный принцип не вмещается. Ельцинисты только этого и добивались.

Анализировать экономические идеи Гайдара нет нужды, ибо это достаточно подробно сделано множеством авторов и самым ясным образом оценено теми, кто пострадал от либерального эксперимента – миллионами граждан России.

Заострим внимание читателя только на абсурдном утверждении Гайдара об успехах либеральных реформ. В заявлениях думской фракции «Выбор России» (1993–1995) постоянно звучала одна и та же мысль: *«Предшествующий период дал свои результаты: мы живем в свободной стране с формирующейся рыночной экономикой. Наши неудачи и трудности связаны не с демократическими реформами, а с отступлениями от них»*. Позднее подобного рода оценки многократно звучали со стороны тех, кто поживился на народном горе. Почти дословно они повторялись либеральными парламентскими фракциями 1995–2000 гг., да и теперь повторяются постоянно. Как будто кому-то неясно, что сотворенный со страной погром не стал источником благоденствия ни для кого: массу людей погубили физически, а несколько сот нуворишей навсегда погубили свою душу преступлениями против Родины.

Но лучше всего об идеологии либерализма сказано самими сторонниками Гайдара: *«Кто-то должен был ударить по советскому тотальному коллективизму (тоталитаризму) кувалдой индивидуалистической традиции»* (А. Малащенко, «НГ», 11.01.1996). По мнению этого автора, «без индивидуалистического духа российская цивилизация сгниет на корню».

Если бы хоть раз в русской истории, выбор, как предлагал Гайдар, был сделан в пользу расслабления государственного организма, национальной воли и снижения мобилизационной готовности народа, России не существовало бы! Видимо, Гайдара это вполне бы устроило. Он видел, как подломились основы нашего государства. И радовался, что оно вот-вот рухнет. Но не вышло. Оно не рухнуло. Растерзанное, истекало кровью, но все еще какие-то признаки жизни подавало. И эти признаки раздражали Гайдара.

Рецепт Гайдара состоит в том, чтобы, убив государство, убить наверняка и мифический тоталитаризм, и вездесущую бюрократию, и бич российской экономики – инфляцию.

Правда, с течением времени Гайдар начал подавать признаки отрезвления от абсурда. Он написал, что главные причины провала демократической власти связаны *«не с тем, что люди стали жить намного хуже (или демагоги сумели им внушить, что страна “катится в пропасть”)*, а с глубоким разочарованием избирателя в “демократии воров”». Но все-таки та «демократия», что вошла в каждый дом, строилась-таки по Гайдару. Так что микроскопические признаки прозрения опять связаны с нежеланием отвечать за учиненный в стране абсурд.

Гайдаровский тип **абсурдного мышления** не предусматривает ничего конструктивного с точки зрения государственного строительства. Именно поэтому и другие декларации Гайдара не содержат ни одного ответа на вопрос «как?», ни одного признания в ошибках. Потому и все его филиппики против коррумпированной власти были типичным фарисейством, столь распространенным в среде либералов.

Либеральная законность проявила себя лишь в виде бесконечного парламентского «творчества» и оправдания бездействия, а также прямых преступлений против государства отсутствием соответствующих правовых актов. Романтики либерализма настолько увлеклись законотворчеством, что не заметили: все их труды готовились для архивной пыли – что законы СССР, что законы России. Примечательна и история с проектом Конституции РФ, работа над которым принесла много сладких минут правоведам и публицистам, но оказалась абсолютно бессмысленной, абсурдной по своему результату.

И опять хочется вспомнить одного из героев Салтыкова-Щедрина, прошедшего практику конституционализма у медведей. Этот энтузиаст законотворчества отнес в «Полицейские ведомости» объявление следующего содержания: *«НОВОСТЬ!! СТАТСКИЙ СОВЕТНИК ПЕРЕДРЯГИН!!! Изготавливает Конституции для всех стран и во всех смыслах. Проектирует реформы судебские, земские и иные, а равно ходатайствует об упразднении таковых. Имеет аттестаты. Вознаграждение умеренное. Согласен в отъезд»*.

О том, что есть в понимании революционных либералов законность, говорит Заявление исполкома движения «Выбор России» от 22 сентября 1993 года. Там сказано: «Президент России своим указом реализовал волю избирателей, воплотил в конкретные меры положения, одобренные Конституционным совещанием». В этом примечательном документе отмечается также, что действия Бориса Ельцина «дают обществу уникальный шанс для спокойного перехода к полноценной демократии, конституции свободного демократического российского государства». Всего через несколько дней залпы по парламенту России показали, насколько это был «уникальный шанс».

Через пару месяцев после расстрела российского парламента блок «Выбор России», во всем поддержавший изменника и мятежника Ельцина, в своих предвыборных программах объявил, что он, дескать, отстаивает принцип «Свобода – Собственность – Законность» и *«выступает за запрет организаций, выступающих с призывами к насильственному изменению конституционного строя или иным образом попирающих закон, какой бы политической ориентации они не придерживались»*. На этом примере хорошо видно, как понимается законность революционными либералами. Они исходят из принципа целесообразности и трактуют принцип законности столь вольно, что на свет появляется уникальная по своей абсурдности формула: «Незаконно, но легитимно».

Обратим внимание на то, что в классической западной формуле либерализма российскими революционерами ценность *безопасности* заменена ценностью *законности*. Здесь и кроется подмена. Западный либерализм законность ценит лишь как один из инструментов, обеспечивающих реализацию других ценностей (той же безопасности).

Парламентаризм в либеральной интерпретации у нас быстро приобрел чисто фасадные формы и практически не был использован в системе государственной власти России для достижения общественного согласия. Российский парламент стал театром публичной склоки, добровольного сумасшествия значительного числа изначально неглупых людей. Смущенные либерализмом парламентарии умудрились так провести разделение властей, что избавились от бремени власти полностью. Зато дали возможность бюрократии свалить на парламент львиную долю ответственности за собственные безобразия, имитировать народное представительство.

Реальной **многопартийности**, несмотря на декларации либералов, мы так и не увидели. Она не возникла, ибо была для бюрократии опасной затеей, подрывающей сложившийся механизм власти. Взамен системы многопартийности граждане получили мелкопартийную грызню амбициозных группировок, затем и вовсе имитации партий, курируемых различными «башнями» Кремля. Идеологические разработки, проекты развития России остались невостребованными. Тем протопартиям, которые готовы были предложить обществу все разнообразие идеологий и возможность реального выбора в многопартийной системе, приходилось владеть жалкое существование. Зато усилиями пропаганды из декоративных политических структур «демократии» создавались фальшивки – фальшивые выборы, фальшивые партии, фальшивые избиратели.

Вместе с усилением либеральных разговоров о **федерализме**, ослаблялись скрепы государственного организма. Все началось с суверенизации России от самой себя (Декларация о суверенитете). Затем последовало продолжение в виде ратификации Беловежского соглашения и принятия Федеративного договора, усиленная регионализация России и распад централизованных механизмов управления. Это стало называться «укреплением федеративных начал государственного устройства» и снабжаться вымыслами об ужасах имперского прошлого.

Либеральный федерализм лжив и абсурден: он не предусматривает добровольного союза народов и территориальных образований, хотя и говорит о нем. Да такой союз и невозможен, поскольку воля народа проявляется в политических институтах, а не в теоретических изысках и даже не в референдумах. Либералы, что бы они ни говорили, хотели расчленения страны по явным и мнимым границам, распада России на номенклатурные вотчины. Они этого добились.

Правда, не при Ельцине, а спустя некоторое время после его ухода. И сейчас продолжается вкрадчивое навязывание русским людям идеи смирения перед неизбежным распадом России на несколько независимых государств.

Идея Свободы, в превратном виде подававшаяся народу в течение ряда лет, стала основанием для того, чтобы упиться, наконец, возможностью требовать у государства «положенное» и считать это благовидным делом и даже свидетельством высокой политической зрелости. В качестве иллюстрации приведем пример из программы РПСД (автор – А. Яковлев): *«Если мы откажемся от всяких мессианских утопий, если мы сосредоточим усилия на устройстве своего дома, своей улицы, своего города, своей страны, мы, несомненно, уже в достаточно близком будущем сможем обеспечить жизнь, достойную человека. Никаких иных общенациональных целей на всю видимую перспективу России не надо».*

Это яркий пример разрушительной мировоззренческой установки – установки на благополучие, не обеспеченное ни духовными основаниями, ни эффективными формами государственности.

Вспомним снова бессмертные строки Салтыкова-Щедрина:

«Одна задача, или, лучше сказать, одно слово занимает все умы, это слово: свобода. Но что такое, в сущности, это слово?... оно имеет только значение рамок, которые необходимы для того, чтобы человечество без помехи и наилучшим образом могло обсудить и устроить свои интересы, но которые не могут служить сами по себе целью. Представьте себе какое-нибудь политическое или ученое общество, которое, вместо того, чтобы разрабатывать те предметы, для обсуждения которых оно собиралось, истощило бы все свои силы единственно на разрешение вопросов об устройстве и порядке своих заседаний. Что можно было бы сказать о таком обществе, кроме того, что оно пожертвовало своими прямыми целями в пользу вопросов, не имеющих никакого существенного значения? И вот, между тем, подобного рода препирательства, – только в громадных размерах, – идут от начала веков по поводу такого понятия, которого подразумеваемость во всяком деле должна считаться сама по себе непрекаемою истиною».

Идея сильной исполнительной власти родилась почти сразу же после того, как носители либеральной идеологии получили в руки рычаги реальной власти. Им сразу же стала мешать система народного представительства. Ликвидацию народного представительства они и выдавали за сильную власть.

Сила исполнительной власти, добытая когда-то в уличных и закулисных боях большевиками-коммунистами и переданная в наследство либерал-большевикам, вовсе не означала установления исполнительной дисциплины, высокой степени управляемости, верности закону.

Поверхностно и односторонне усвоенные общественные теории всегда превращаются в живой практике в собственную противоположность. Либерализм готов был трансформировать свои установки, лишь бы удержаться у власти – сначала требовать погрома государства, выступать против естественных административных функций, потом (после захвата власти) объявлять, что нужно «насаждать» определенные ценности административными средствами. А потом уже обходиться и без всяких ценностей.

Либеральная диктатура оказалась такой же, как и пролетарская – не ограниченная никаким законом, основанная только на насилии.

Российские либералы построили из мифов о парламентаризме и законности, свободе и силе, федерализме и многопартийности государственную утопию, подлую по своей политической и социальной базе, лживую и абсурдную по своему политическому оформлению, разрушительную по результатам.

Как мы видим, иерархия ценностей либералов строится, начиная с собственного желудка, с собственной кухни. Полуживотный индивид помещается в центр системы ценностей. И это не случайно. Такова была традиция. Диссидентский комплекс зависти по отношению к Западу

внешне выглядел так: права человека и общечеловеческие ценности, правовое государство и принцип «разрешено все, что не запрещено законом», постепенно превратившийся в принцип: «разрешено все».

При реализации этого принципа на первом месте всегда **гуманизм** и приоритет прав личности над правами государства. Введение российской номенклатурой второго эшелона КПСС и российской либеральной интеллигенцией (одними в корыстных целях, другими – в рамках собственного понимания смысла демократии) этого ключевого элемента диссидентских ценностей в практику государственного управления привело Россию, без всяких промежуточных стадий, от тотального вмешательства государства во все сферы деятельности гражданина к тотальному игнорированию тем же государством собственных обязательств по обеспечению благополучия и защищенности граждан. Животный инстинкт оказался жестоко обманут. Того государства, в котором полагалось хоть изредка приводить в порядок вицмундиры чиновничества и проявлять внимание к бедам людским, уже не существует. Но остается мечта о таком государстве, в которой либералы кухонного уровня продолжают упорствовать.

Другой стороной процесса внезапного отпадения государства от общества стало усиление потребительских настроений, обострившихся в связи с широкомасштабными акциями по введению разнообразных льгот, которые, тем не менее, не были в состоянии покрыть даже минимальных потребностей «осчастливленных» категорий населения. Реформаторы обещали наступление быстрого изобилия (или, по крайней мере, обещали короткий путь к изобилию). Поэтому требование льгот стало интерпретироваться как правозащитная деятельность. Либеральные теоретики как участники и исполнители этого абсурда, очевидно, не могут видеть истинных причин обострения социального конфликта, сочетая свою правозащитную риторику с поддержкой общего курса грабительских реформ.

Перейдем к идеологическому принципу «**общечеловеческих ценностей**». Даже временное воплощение этого принципа обернулось для России идеологическим СПИДом – разложением защитных механизмов государства, оберегающих интересы общества и предохраняющих его от распада. По сути дела, в системе государственной власти возник целый слой чиновников либерально-номенклатурного толка, для которых «общечеловеческие ценности» имели приоритет перед государственными интересами. За вывод войск с территорий других стран, за обвальное разоружение, за вспыхнувшие региональные конфликты, за исчезновение рынков сбыта и разрушение экономических связей заставили расплачиваться именно Россию, российских граждан.

Ради «общечеловеческих ценностей» России было предложено в очередной раз «закладывать себя на алтаре всечеловеческой демократии» (К. Леонтьев). К этому склоняла ее наша творческая интеллигенция, зараженная мифом о дружественности бескорыстного Запада, который будто бы только и мечтает о соблюдении прав человека во всем мире. Этот миф нанес существенный материальный ущерб подавляющему большинству граждан России. За свою легковерность каждая российская семья поплатилась лишением половины, а то и 2/3 своих доходов.

Либеральная мифология **правового государства**, главная мысль которой вполне проста и доступна каждому – жить не по произволу, а по закону, – также оказалась совершенно несостоятельной и лживой. На практике эта доступная мысль концентрировалась исключительно в принципе – «разрешено все». Это позволило чиновникам и нуворишам криминально-номенклатурной экономики обогащаться, открыто используя дыры в законодательстве. Именно им позволено было все и все было не запрещено.

В современной России до сих пор найдется немало образованных людей, с придыханием повторяющих заповедь Вольтера: «Я не согласен с вашим мнением, но готов отдать жизнь за ваше право высказывать его». Забывают, правда, что Вольтер прожил до преклонных лет. Да и его последователи никогда не торопились бросаться грудью на амбразуру. И сегодня не торопятся, но фразу Вольтера все равно помнят и чтут. Как и «руссоистскую» концепцию «обще-

ственного договора» – хотя неясно, с кем и как общество договаривалось, чтобы порушить основы нашей государственности, провести приватизацию и отъем денежных вкладов населения.

Здоровое русское общество относилось к «вольтерьянцам и руссоистам» не лучше, чем к «якобинцам». Эти определения были почти ругательными. И сегодня в России есть не только последователи Вольтера и Руссо, но и «другие мнения», за которые вольтерьянцы вовсе не собираются сложить свои жизни. Более того, «иным мнениям», оказывается, просто нет места ни на телевидении, ни в радиоэфире, ни в прессе. А если и возникает где-то щель, через которую иное мнение все-таки просачивается, «вольтерьянцы» начинают гневаться, брезгливо поджимать губы и даже выдумывать «русский фашизм», якобы грозящий всему миру только оттого, что где-то высказано «иное мнение», не уложившееся в рамки Декларации прав человека.

Разделение труда и поликультурность современных обществ приводят к необходимости накладки на них сложной коммуникативной ткани и выделения особого профессионального сословия – журналистов. Вместе с тем, возникает отчуждение коммуникативной системы от общества, подмена коммуникации ее имитацией. Журналисты начинают оттеснять из сферы коммуникации не только ученых, но и политиков, которые вынуждены обращаться к народу только при посредничестве газетчиков и телевизионщиков и только в рамках интересов журналистской корпорации.

Мы, фактически, имеем дело с узким социальным слоем, приватизировавшим СМИ и безраздельно пользующимся правом на свободное изложение своего мнения. На базе подаренной этому слою собственности вместе со всей инфраструктурой, доводящей информацию до граждан, возникло новое сословие, причем со своим пониманием этических норм и своими жизненными интересами.

Свобода слова в рамках этой корпорации понимается только как монополия этой корпорации на СМИ, дающие для представителей этой корпорации практически неограниченные возможности частного обогащения.

В рамках нового сословия выработался и особый язык, почерпнутый в значительной мере из блатной «фени». Язык диктует выбор тем и героев. Пропагандируются блатные «сатирики», блатные эстрадники, герои из «бывших», ведутся съемки из тюрем и изоляторов, демонстрируются подробности зверских убийств и их исполнители, в деталях показываются манипуляции наркоманов со жгутом и шприцем, обсуждаются детали половых извращений...

Где же вся эта «творческая интеллигенция», которой дали, наконец, свободу? Другим не дали, а ей выделили. И что? Где обещанные достижения изящной словесности? Их нет и быть не может, пока выделенная по списку свобода (список – в ельцинской администрации) используется, точно половая тряпка. Поэтому астрономию у нас заменяет астрология, медицину – колдуны-целители, информацию – сенсация (проще говоря – вранье). Репортаж подменяется эпатажем, интервью – словоблудьем двух приятелей, анализ общественных событий – словесными упражнениями невежд...

Вместо действительной свободы мнений безнадзорная печать и эфир заполняются освобожденным от любых барьеров сквернословием, свободой сквернословия. Слово «дерьмо» уже не только исключено из разряда ругательных, но даже из разряда вульгарных. Его можно услышать в эфире даже от бывшего президента СССР, оценившего перед телевизионными камерами в 1998 году «дефолт». Анально-генитальные шуточки и постельные сцены беспрепятственно попадают в общедоступные издания и в прайм-тайм для детей и юношества. Англоязычная брань в эфире даже не считается чем-то зазорным.

Можно возразить, что СМИ у нас таковы, какова публика. Но это полуправда. Публика сегодня не вольна выбирать – она не имеет никаких прав в сравнении с журналистской корпорацией, образованной по заказу враждебной народу власти. Когда выбор был, эта же самая

публика выстраивалась в очереди за многотомными собраниями сочинений Карамзина и Соловьева, скупала миллионные тиражи Пушкина и литературных журналов. Теперь ее отгораживают от культурных ценностей баррикады «желтых» изданий и «желтых» передач, которые в культурном отношении меж собой ничем не различаются.

Если либералы не обрушиваются на государство как таковое (подобного рода нигилизм может быть принят обществом только в переломные эпохи, когда народные массы готовы жечь собственный дом и убивать своих близких), то пытаются представить дело так, будто именно русское государство не имеет права на существование, а все безобразия давней и современной истории – чисто русская специфика.

С откровенными мракобесами всегда выгодно бороться, поэтому в политике призрак мракобесия часто используется, чтобы продемонстрировать собственную незаменимость в борьбе с ним и встать в позу защитника чести и достоинства общества. Поэтому либеральными идеологами был воссоздан миф о «русском фашизме», который в 1991 году подавался как ужас «красно-коричневой угрозы».

Либералы от номенклатуры пустили газетную утку об угрозе фашизма со стороны националистического движения и немало нажились на разработке этой темы. На угрозу России указывали те, кто сам был источником ее гибели. Дело в том, что утверждение об опасности русского национализма не только для народов России, но и для всего мира, скрывало совершенно другую установку – установку на подавление структур, защищающих национальные интересы России (армии, спецслужб, дипломатии...).

Новое открытие мифа о фашистской опасности в конце 1994 – начале 1995 гг. было связано с чеченской войной, цепью убийств известных журналистов и предпринимателей. Тем не менее, время либералами было упущено. Их сил хватало лишь для того, чтобы поддерживать пропагандистский напор «периода ранней демократии» лишь в течение нескольких дней.

Весной 1995 года патриарх отечественной «демократии» А. Яковлев на съезде РПСД продолжил традицию антифашизма словами: *«Открыв иллюзии националистическому фашизму, вожди большевиков пошли на хаотический развал Союза, надеясь тем самым вернуться к тоталитарному режиму через национал-социализм»*. В данном случае мы видим попытку списать все грехи собственной политики на мифическую угрозу фашизма, попытку подогнать под этот термин всех своих политических оппонентов.

В этом смысле симптоматичными были публикации газеты «Президент» периода октябрьской трагедии 1993 года. Из многочисленного набора пылающих ненавистью статей приведем такой фрагмент: *«... нет оппозиции, есть откровенные фашисты, бандиты, погромщики, с которыми неприменимы язык дискуссий и парламентский протокол. Мы должны быть твердыми, а если потребуется, то и жестокими. Страна больна коммуно-фашистским раком, ей нужен хирург, а не бабки-шептуньи»*.

В 1998 году Яковлев организовал Антифашистский конгресс, который не вызвал интереса в обществе – ну никак отставному партноменклатурщику не удалось доказать, что в России фашизм таки есть. Приходилось измышлять загадочные сюжеты – мол, борцов с сионизмом организовало КГБ, «чтобы выпустить из общества пар диссидентства». А в результате возник, якобы, российский фашизм. Вот Яковлев и побежал к Ельцину – вынудил того подписать пустой указ о борьбе с «российским фашизмом», хотя даже в Академии наук затруднились сказать, что это такое. Сам Яковлев предложил Ельцину считать фашизмом «разжигание национальной розни, пропаганду исключительности одной нации за счет другой, пропаганду войны и насилия». Таковое разжигание, разумеется, относилось не к дудаевым и шаймиевым, рахимовым и гусинским, а лишь к своим бывшим соратникам по партии – ко всем, кто Яковлеву не нравился.

«Уголовщина, освященная идеологией, – эта формулировка подходит как коммунистам, так и фашистам», – говорил Яковлев. Ну да, в «фашистской» КПСС Яковлев сделал карьеру,

а потом стал выдавать себя за анти-Штирлица: *«У нас был единственный путь – подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали».*

Воспринимая мафиозную организацию от олигархии, элитарные троечники превратились в цеховиков гуманитарных профессий. Здесь сложились свои «мафии», создающие и пропагандирующие фиктивные авторитеты. А те главным своим делом сочли оправдание олигархического режима.

Один из идеологов олигархии излагает суть дела так: *«... полагаю, что, в конце концов, мы должны стать обществом, где основными действующими лицами политической жизни не будут те, кто занимает официальные посты. Так во всех странах. Так должно быть. Политик – это футболист, которого выпустили на поле, он должен быть прекрасно подготовлен: забивать мячи, срывать аплодисменты, быть кумиром публики. Но решают вопрос, когда его выпустить, в каком матче, на сколько минут и т. д., уже другие. Я думаю, что когда-нибудь у нас в стране ключевые решения в политике будут принимать не политики. Когда такое время настанет – это будет нормальная страна»* (Г. Попов, «НГ» 10.12.93).

Отец новой либеральной бюрократии в интервью «Радио Франс Интернасьональ» говорил («Гласность», август 1992 г.): *«Вопрос о мафии искусственно раздувается противниками преобразований, и в последнее время это уже совершенно стало нагло, если так можно выразиться. Всякий, кто борется с рынком и переходом к капитализму, изображается как борец с мафией. В нашей стране, где десятки запретов на всякую нормальную экономическую деятельность, мафия – это в основном нормальная деятельность».* И ему верили: мафия, терзающая город – это нормально!

Общий принцип дележа собственности как-то раз выразил председатель Госкомимущества А. Чубайс («РГ», 22.01.92): *«Есть значительная часть сделок, совершенных до того, как был утвержден закон. И принимать какие бы то ни было решения по ним не приходится. Закон обратной силы не имеет. Далее, есть масса сделок, которые явно не соответствуют духу закона. Но дух – не буква. Нормативных документов нет, и не к чему привязываться».* Короче – ворье неуязвимо, а законодательство беспомощно. К нему добавлена политическая воля ставленника олигархии, позволившего легализовать многомиллиардные капиталы: «Пересмотра приватизации не будет». Это и есть главная программа либеральной бюрократии и главный пункт противостояния с патриотами, которые знают, что человек без власти и собственности – раб. Знает это и олигархия, но ей нужны рабы, а национальным силам – свободные граждане, любящие свою страну и не позволяющие унижать ее.

Два паразитических слоя – либеральная интеллигенция и либеральная бюрократия – положили всю свою энергию на разрушение России. Но эта энергия в значительной мере работалась. Ее не хватило, чтобы разгромить страну. Олигархия, получившая в руки невиданные денежные ресурсы, на короткое время взяла страну в свои ежовые рукавицы: все должно было быть продано, обращено в деньги, а деньги – в личные богатства «верхов». Но и этот ресурс вырабатывается на глазах. Деньги ничто в депрессивной экономике. Поэтому особую роль в олигархии занимают высшие чиновники и «силовики». Они вливаются в олигархию и получают свою долю в грабительских процедурах, организованных в 90-е годы XX века.

Интегрально оценив воззрения ельцинистов, мы видим, что в них сконцентрировались все болезни, которыми болела Россия в XX века. Не только в частных суждениях, становящихся общим местом трибунной риторики, но и в документах организаций, рассматривавших Ельцина как своего лидера, вполне очевидно были видны ненависть к России, ее истории и традициям. И болезненная страсть обогащения, которая вовремя не была выявлена только потому, что общество само было больно – в нем были сильны установки коммунистического периода, когда с молодых ногтей воспитывались принципы потребительского общества – «все для человека, все во имя человека». Мелкое и всеобщее воровство на производстве было пред-

течей растаскивания государственной собственности при Ельцине. Примитивные потребности, которые так и не смог удовлетворить коммунистический режим, неимоверно возросли, когда власть объявила, что все позволено. И потребовали себе компенсации, не ограниченной никакими разумными пределами.

Салтыков-Щедрин писал: *«С некоторым страхом я спрашиваю себя: ужели же не исчезнут с лица земли эти пустомысленные риторы, эти лицемерствующие фарисеи, все эти шипящие гады, которые с такою назойливою наглостью наполняют современную атмосферу миазмами смуты и мятежа?»*

Борис Ельцин – ставленник мятежа

Что лгать нехорошо, дети усваивают достаточно рано. Знание это сохраняется и во взрослом состоянии, дополняясь представлением о том, что лгать иногда выгодно. Но в политических играх взрослых ложь – чуть ли не основной инструмент. И тут есть свои мастера, которым удавалось, не сказав ни слова правды, воспарить в высшие структуры власти.

Салтыков-Щедрин писал про таких людей в своих «Благонамеренных речах» так:

«Лицемерные лгуны... забрасывают вас всевозможными «краеугольными камнями», загромождают вашу мысль всякими «основами» и тут же, на ваших глазах, на камни паскудят и на основы плюют. <...> Лгуны искренние... это чудища, которые лгут не потому, чтобы имели умысел вводить в заблуждение, а потому, что не хотят знать ни свидетельства истории, ни свидетельства современности, которые ежели и видят факт, то признают в нем не факт, а каприз человеческого своеволия. Они бросают в вас краеугольными камнями вполне добросовестно, нимало не помышляя о том, что камень может убить. Это угрюмые люди, никогда не покидающие марева, созданного их воображением, и с неумолимой последовательностью проводящие это марево в действительность».

Борис Ельцин сочетал в себе качества лгунов обоих типов. Он лгал искренне, самозабвенно – как актер, уверовавший, что его сценический образ, и он сам есть одно и то же. И он лгал, зная наверняка, что лжет. Особенностью Ельцина как политика была его послушность политтехнологам. Он принимал их игру. А когда не принимал, превращался в нечто непотребное – иногда в пьяное животное, иногда в труса, готового бежать с поля боя от первого выстрела, иногда в чванливого дурака. Но, в общем и целом, Ельцин – воплощение принципа «не быть, а казаться».

Памятный Пленум ЦК КПСС 1987 года особо интересен паучьей грызней будущих «демократов»: А. Яковлева, Э. Шеварднадзе, Г. Арбатова. Остальная свора, терзавшая отщепенца Ельцина, менее интересна. Она, в основном, осталась на прежних позициях. Поскольку Александр Яковлев играл в разрушении нашей страны особо зловещую роль, эта фигура достойна внимания именно в связи с оценками Ельцина. Приведем выдержки только из его высказываний («Известия ЦК КПСС», № 2, 1989).

«Вероятно, Борису Николаевичу кажется, что он выступил здесь, на Пленуме, смело и принципиально. На самом деле, на мой взгляд, ни то, ни другое. А если это так, то выступление ошибочно политически и несостоятельно нравственно. Политически неверно потому, что он исходит из неверной оценки обстановки в стране, из неверной оценки тех принципиальных позиций, которые занимает Политбюро, Секретариат Центрального Комитета, из неверной оценки того, что на самом деле происходит в стране. А безнравственно, на мой взгляд, потому, что он поставил свои личные амбиции, личные интересы выше общепартийных, как говорят, завел речь не в то время и не по делу. <...>

Борис Николаевич, на мой взгляд, перепутал большое дело, которое творится в стране, с мелкими своими обидами и капризами, что для политика, на мой взгляд, совершенно недопустимо, особенно когда он занимает такой высокий пост, и партия ему доверила такое дело. Это, конечно, очень печально, что один из руководителей впал в элементарную панику. Такой, я бы сказал, произошел мелкобуржуазный выброс настроений, которые имеют место в обществе. Но приходится только сожалеть и недоумевать, что глашатаем этих настроений мелкобуржуазного свойства явился руководитель Московской организации. Конечно, здесь сыграли роль и амбиции, тщеславие, но это все-таки внешняя оболочка. А по существу, как мне показалось и как послышалось, – прямое несогласие с курсом перестройки, с ее практикой, с ее темпами, с ее назначением и существом, и это, видимо, самое главное. Если Борис Нико-

лаевич по этому вопросу будет упорствовать или ставить вопрос, как сегодня, то, знаете, его это очень далеко заведет и политически, и нравственно. <...>

Ему кажется это революционностью, на самом деле это глубокий консерватизм. В конечном счете, здесь у нас прозвучало, к большому сожалению, самое откровенное капитулянтство перед трудностями, с которыми человек встретился, самое откровенное выражение этого состояния, когда человек решил поставить свои амбиции, личный характер, личные капризы выше партийных, общественных дел. (Аплодисменты)».

Характерные словечки «мелкобуржуазный» и «консерватизм» раскрывают Яковлева с головой. Также как раскрывают Шеварднадзе ярлыки «примитивизм», «безответственность», «клевета», восхищение перед «кристальнейшим человеком» Е. Лигачевым. Если Шеварднадзе покинул паучью банку российской политики, перевалив через Кавказский хребет, то Яковлев сумел найти с Ельциным общую «нравственную платформу». А для того, чтобы эта платформа не выглядела той самой паучьей банкой, Яковлеву пришлось написать книжку «Горькая чаша», сдобренную душещипательными оборотами («это мое покаяние, свидетельство, мои надежды»). Пришлось трактовать свое выступление на злосчастном Пленуме как критику Лигачева и Секретариата ЦК.

Стоит тут вспомнить и самого забитого (словесно, конечно же!) в 1987 году до полуобморочного состояния правдолюбца, его невнятное бормотание после основательной порки на Пленуме ЦК КПСС, а также покаянную речь на Пленуме МГК. В своем покаянии Ельцин говорил, путая слова так:

«... честное партийное слово даю, конечно, никаких политических умыслов я не имел и политической направленности в моем выступлении не было.

...именно в этот период, то есть в последнее время, сработало одно из главных моих личных качеств – это амбиция, о чем сегодня говорили. Я пытался с ней бороться, но, к сожалению, безуспешно...

Мне сегодня было особенно тяжело слушать тех товарищей по партии, с которыми я работал два года, очень конкретную критику, и я бы сказал, что ничего опровергнуть из этого не могу. И не потому, что надо бить себя в грудь, поскольку вы понимаете, что я потерял как коммунист лицо руководителя. Я очень виновен перед Московской партийной организацией, очень виновен перед горкомом партии, перед вами, конечно, перед бюро и, конечно, перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире» («МП», 13.11.87).

Впоследствии Ельцин постоянно подчеркивал, что покаянная его речь была связана с болезнью и жестоким действием препаратов, которыми его напичкали врачи. Реально же это было просто проявление уровня его сопротивляемости режиму, уровня его нравственного потенциала. Когда партийная номенклатура показала свои коготки, «правдолюбец» начал молить о пощаде и потом еще долго осторожничал в своих высказываниях.

Например, так: *«Нельзя же 70-летний опыт отбросить! Много сделано и народом, и партией, и комсомолом, от этого нельзя отмахнуться. <...> Но не торопимся ли мы некоторые процессы перевести на демократические рельсы, которые пока без шпал? Мое мнение: торопимся. <...> Вот тут проглядывается либерализация и даже опасная. Надо постепенно переходить к процессам демократизации, по мере готовности, в первую очередь, людей, да и средств производства, условий труда. Помните, еще Ленин говорил, что митинговать митингуй, но требовательность должна быть даже больше, чем у капиталистов» («Пропеллер», 21.02.89).*

Яркий пример политического перевертыша!

Мне довелось видеть Ельцина не по телевизору лишь однажды. Это было на встрече с московскими избирателями в кинотеатре «Варшава». Манеры лидера оппозиции мне уже тогда показались отталкивающими. И я даже подумал, что он пьян, но отбросил от себя эту

мысль. Ельцин вел себя развязно – именно как подвыпивший человек, который пытается копировать монолог какого-нибудь пошлого эстрадного сатирика. Тогда же я заметил беспалость Ельцина, сначала приняв ее за странную манеру складывания ладони «лодочкой». Это неприятно удивило: физический порок редко не отражается на характере. Оторванные в детской забаве пальцы вполне могли породить в характере Ельцина черты совсем не позитивные.

Из тогдашней встречи с Ельциным я запомнил один эпизод. Когда встреча закончилась, Ельцин пошел по проходу как раз мимо меня и остановился в пяти шагах, остановленной какой-то подобострастно прозвучавшей репликой в духе: «мы вас очень любим, но надо бы поменьше вождизма». Ельцин сделал расстроенное лицо и растеряно развел руками: ну какой же может быть вождизм?! Вот так – без аргументов – он разводил руками и говорил что-то невнятное и детское, пока вокруг не скопилась толпа. Тогда он через эту толпу и прошел с полным триумфом.

И все-таки в 1991 году видеть в Ельцине погубителя страны могли очень немногие. Моя мама, не стремившаяся вникать в политику, каким-то женским чутьем замечала опасность, и повторяла: «мне он не нравится, не нравится – и всё!» Было что-то в Ельцине от беса. Когда в 1996 году бабушка моей жены решила пойти на выборы и проголосовать за Ельцина, с ней увязался мой малолетний тогда сын. И на скользком полу избирательного участка так упал, что навсегда оставил на подбородке шрам – память о приобщении к сатанинской процедуре. Теперь-то известно, что в 1996 году выборы были сфальсифицированы. Ельцин не мог нарастить свою популярность от 5 % до уровня, чтобы быть вновь избранным президентом. Пропандистская машина сделала фальшивые итоги выборов правдоподобными – несколько месяцев обработки сознания граждан не побудили их поддерживать Ельцина, но составили у них представление, что остальные-то точно поддерживают.

Лозунги, которые были вложены в голову Ельцина его ближайшими советниками, оказались просты и понятны всем. Они опирались на интуитивное противостояние режиму, ставили ему упрек, прежде всего, в нравственной несостоятельности, расхождении идеологических установок и направленности практических действий. Перестройка дала возможность Ельцину бросать жесткие обвинения в адрес пережившей свою дееспособность части коммунистической номенклатуры. Перестройка дала возможность гражданам услышать эти слова, которые в другой ситуации в лучшем случае стали бы достоянием антисоветской литературы, а в худшей – обернулись бы пафосом в тюремной камере или палате психбольницы.

Слова Ельцина были понятны, потому что уже добрый десяток лет они произносились в частных беседах и осторожно проникали на страницы газет. Слова Ельцина были просты, потому что он сам был прост на вид – такой бескорыстный правдоискатель, который без выкрутасов говорит то, что думает. На самом деле, у него за душой не было ничего. Поэтому простота его была, согласно пословице, «хуже воровства». Бесхребетную личность легко вылепить, сделать куклой, в которой толпа видит отражение своих собственных чаяний.

Спустя годы, можно с определенностью сказать, что внутренняя сила слов, произносимых Ельциным, не превышала силы слов кухонной беседы столичных интеллигентов, недовольных своим местом в жизни. Поэтому сила власти, данной Ельцину, оказалась не соответствующей силе его собственных нравственных устоев, силе его ума и организаторских способностей. Это теперь тоже ясно почти всем.

И все-таки очень трудно дается понимание того, что слова Ельцина из правды превратились в ложь, что его деятельность поставила равенство между понятием «Правда» и понятием «Ложь». «Правда» Ельцина была в свое время превращена в легенду о народном заступнике, появившемся вдруг из среды чиновников. Ложь Ельцина тоже стала народной легендой. При избрании Ельцина Председателем ВС РСФСР он обещал перейти к рыночной экономике, не снижая жизненного уровня народа, без повышения цен. И еще сказал свою крылатую фразу

про то, что готов в случае повышения цен лечь на рельсы. В конечном итоге на рельсы Борис Николаевич предпочел уложить всю Россию.

Легенда о рельсах – это уже неотъемлемая часть судьбы Ельцина и оценка его политической карьеры, которая с годами будет становиться только отчетливей. Ибо закреплена эта легенда танковой атакой первого Президента России на первый парламент России. Кровь, пролитая Ельциным, вполне характеризует его как историческую фигуру. Он убил людей ради сохранения личной власти, на которую не имел уже никаких прав.

Посмотрим, какие слова произносил Ельцин, подравнивая ложь под правду и правду под ложь.

Находясь на пике популярности, Ельцин говорил с трибуны так: *«... считаю главным, чтобы действовал такой механизм в партии и обществе, который исключал бы ошибки, даже близко подобные прошлым, отбросившие страну на десятилетия, не формировал бы “возжей” и “вождизм”, создал подлинное народовластие и дал для этого твердые гарантии»* (XIX партконференция, 1988 г.). Практическая деятельность привела Ельцина и к вождизму, и к тому, что его усилиями страна была отброшена на многие годы назад.

Ельцин тогда призывал не планировать до 2000 года, а решать полностью за 2–3 года «одну-две задачи на благо людей». И вот Ельцин в президентском кресле. Какие задачи за 2–3 года он решил? Никаких. Только разрушение и хаос исходили от него. Надо действительно обладать огромным «творческим» потенциалом, чтобы за три года не сделать на благо людей совершенно ничего!

Ельцин призывал к открытой «партийной социологии»: публикации подробных отчетов руководящих органов, обобщений писем трудящихся и пр. Ни разу Ельциным не было сделано ни такого отчета, ни попытки заставить своих ближайших сторонников такой отчет опубликовать. Хвалиться нечем, каяться он мог, только когда припирали к стенке. Рецепты «демократизации» Ельцин придумывал для других, но не для себя. Себя он хотел считать «царем Борисом». Забывая, что царь Борис Годунов был самозванцем – самопровозглашенным царем, не имевшим прав на престол. Самозванцем был и Ельцин. Несмотря на то, что народная любовь и закулисные технологи вывели его к вершине власти. Он не был готов к этой власти ни морально, ни интеллектуально. Он был всего лишь советским самодуром, который во власти видел лишь упоение процедурой чинопочитания и безделье. Ельцин был бездельником!

Собственно, это позволяет понять, почему от него не исходило ни одной конструктивной инициативы, почему он не брал на себя ответственности ни за одно социально-экономическое изменение, которые проводились одно за другим, изничтожая страну. Ельцин мог самодурствовать, но не мог управлять. Примерно то же можно сказать и о современных правителях России. Для них тайна власти недоступна. По сути дела, они не властвуют. Это инфантилы, которым удалось попасть в «верхи» по случаю. И они торжествуют, радуясь, как подростки: теперь у них все есть, а делать ничего не надо. Делать будут подчиненные, а ты – только спрашивать с них за результаты.

Ельцину в 1988 году «было стыдно» за роскошные особняки, дачи и санатории партийного начальства. Он говорил о порядочности, нравственной чистоте, скромности, партийном товариществе. Где все это? Ничего и в помине не осталось от тех запальчивых слов, которые скользили по верхам. «Партийное товарищество» – это была только мольба о том, чтобы за слова не начали лишать должностей. Это укор партийному руководству, которое вело себя ровно так же, что и Ельцин всю свою жизнь: говорило одно, делало другое.

Когда Ельцин сел к рычагам власти, роль борца с привилегиями уже была сыграна, аплодисменты в необходимом количестве истребованы, и проку продолжать это кривлянье не было никакого. Теперь можно строить себе немислимый особняк в Крылатском, располагаться в 15-ти комнатной квартире (не считая квартир для дочерей по 128 кв. метров), можно жить сразу на пяти дачах: в Архангельском, в Сосновке, в Успенском, в Горках и в бывшей резиденции

Горбачева, можно подписывать Указ об изготовлении президентского штандарта из золота и серебра («Завтра», № 32, 1994).

Ничего для страны, все для себя – так только и мог жить Ельцин.

Ельцин сказал в том памятном выступлении на партконференции, что мафия в Москве существует. Вот так открытие для главы столицы! Добрался ли он до главарей мафии, став практически единоличным правителем России? Нет. Он скорее поспособствовал этой мафии, а заодно укрепил и свои позиции. Главным призом для мафии, помогавшей Ельцину, стала Москва. Не случайно Лужков начал приватизацию в Москве с магазинов и плодоовощных баз. Торговая мафия – вот первые спонсоры и соратники Ельцина.

Разумеется, Ельцин ратовал и за ленинский лозунг: «Вся власть Советам!». Пока это было выгодно группировке, выталкивающей его на политические подмостки. Что же сделал он, когда ему представилась возможность действительно эту власть Советам дать? Советы разогнал, а парламент расстрелял из танковых пушек.

Уже тогда – в 1988 году – Ельцина на слове поймал Егор Лигачев, отметивший, что публичные выступления стали для его оппонента более интересным делом, чем повседневная работа. Он упомянул и об отказе Ельцина от участия в работе Секретариата партии, членом которого Ельцин являлся, и талонную систему в Свердловской области, руководимой Ельциным. Тогда Лигачеву не поверили, потому что доверие к КПСС уже окончательно и навсегда ушло, а сам Егор Кузьмич стал символом ушедшей эпохи. Эмоциональному Ельцину хотелось верить больше. Но следовало бы не верить ни тому, ни другому.

Через год Ельцин стал депутатом СССР от Москвы, отдавшей ему 90 % голосов.

Посмотрим на некоторые моменты его предвыборной программы («МП», 21.03.89):

«Создать государственно-правовой механизм, исключающий рецидивы авторитарных форм правления, волюнтаризма и культа личности.

Необходимо бороться против существующего элитарного бюрократического слоя посредством передачи власти выборным органам и децентрализации политической, экономической и культурной жизни.

Принимая во внимание неоправданное расслоение общества по имущественному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан – от рабочего до главы государства – в приобретении продовольственных, промышленных товаров и услуг, в получении образования, медицинском обслуживании. Ликвидировать различные спецпайки и спецраспределители».

Сделав ставку на борьбу с привилегиями, Ельцин привлек к себе всеобщее внимание. Но реальная политическая практика привела Ельцина к прямо противоположным результатам.

Следуя порывам творчества лидера российской «демократии», совершив прыжок еще через год и увидим, как Ельцин участвует в работе нового пропагандистского механизма номенклатуры.

Вот строки из программы Ельцина на выборах депутатов РСФСР в 1990 году:

«– необходимо разработать четкую программу, позволяющую оздоровить экономику через 2–3 года и ликвидировать внешнюю и внутреннюю задолженность нашей страны;

– необходимо отдать наибольший приоритет сильной социальной политике и сделать заботу о человеке своей главной целью;

– принимая во внимание неоправданное происходящее расслоение общества по материальному признаку, необходимо ужесточить борьбу за социальную и нравственную справедливость и ставить во главу угла интересы наименее обеспеченных слоев населения;

– после избрания нового состава народных депутатов нужно превратить высший законодательный орган в реальную трибуну волеизъявления народа, сделать подотчетными ему все государственные, политические организации и руководителей всех рангов;

– всячески бороться против зарождающегося в стране бюрократического элитного слоя представителей коррумпированных кругов».

Из года в год Ельцин выставлял себя борцом за социальную справедливость, борцом с коррупцией и сторонником народовластия. (На XIX партконференции в 1989 году он смело заявил: «... некоторые партийные руководители погрязли в коррупции, взятках, приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоплотность, скромность, партийное товарищество».) И с 1990 года шаг за шагом реализовывалась его программа ликвидации социальной стабильности, разрушения народовластия и насаждения криминальных отношений в сфере государственной власти. Выступая за эффективную экономику, Ельцин на деле привел к власти команду малограмотных реформаторов, доведших страну до чудовищной хозяйственной разрухи, перед которой меркнут экономические провалы всех прошлых лет.

Сделаем прыжок во времени еще на год вперед.

29 марта 1991 года, выступая на Съезде народных депутатов РСФСР, Ельцин выдвинул принцип, «без следования которому эффективные экономические преобразования практически невозможны: официальный отказ от применения силы, в том числе военной, как средства политической борьбы».

Через два с половиной года Ельцин отдал команду стрелять в парламент.

Посмотрим на ухищрения Ельцина в предвыборном говорильном марафоне 1991 года:

– необходим строгий государственный контроль над процессом перехода к рынку, чтобы не допустить сосредоточения материальных и финансовых ресурсов общества в руках узких мафиозных групп, чтобы экономическая свобода не превратилась в право сильного игнорировать Закон;

– надо наделить всех граждан собственностью путем поэтапной приватизации большей части государственных предприятий, жилья при максимальном учете интересов всех слоев населения;

– государство будет гарантировать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, особенно на период перехода к рынку социально незащищенным слоям;

– создать условия для подъема рождаемости, приоритетного развития детской медицины;

– в доле расходов России на оборону необходимо увеличить часть средств, отпускаемых на социальные цели;

– увеличение в полтора раза среднесоюзного уровня минимальной заработной платы, пенсий и стипендий, увеличение продолжительности отпуска для всех категорий трудящихся, сокращение рабочей недели на 1 час.

Победив на президентских выборах, Б. Ельцин уже 1 июня 1991 года объявил: «Если Россия обретет подлинный суверенитет и вступит в действие республиканская антикризисная программа, то уже в будущем году мы начнем выбираться наверх».

Подлинный суверенитет политикой Ельцина обеспечен был вполне – страна была разрублена на куски, подобно говяжьей туше. Антикризисная программа в виде гайдаризации цен – тоже вполне удалась. Результат в социальной сфере оказался противоположным тому, что обещал Ельцин. Упал уровень жизни и уровень рождаемости, минимальная зарплата даже наполовину не покрывала прожиточного минимума, социальные проблемы армии обострились до предела... Зато мафиозные группы, о которых говорил кандидат в президенты, получили в его лице мощную поддержку.

Кинорежиссер Станислав Говорухин вполне выразил отношение к Ельцину всех думающих людей: «Западные журналисты часто говорят: “Ну, допустим, все плохо. А вы видите альтернативу Ельцину?” – Я подвожу их к окну и говорю: “Видите: мужик с авоськой идет – вот альтернатива Ельцину. Наверняка не был членом Политбюро, может быть, даже не алкоголик...”» («Солидарность», № 11, 1994). Действительно, любой самый средний человек на

месте Ельцина был бы более безопасен для страны, а с минимальным нравственным потенциалом он, наверняка, сделал бы для нее и много полезного.

В начале своей политической карьеры Ельцин всячески старался изобразить близость к народу – демонстративно проехал две остановки на трамвае, продемонстрировал журналистам ботинки фабрики «Скороход», иногда обедал в рабочей столовой, и тем заслужил всенародную любовь. Ради чего он так мучился, для чего искал народной любви стало ясно довольно быстро. Оказалось – ради феноменальных по роскоши апартаментов, шикарных выездов, загородных вилл, но главное – ради возможности без счета тащить из казны для себя и своих близких родственников.

Книжка «Записки президента», создаваемая в поте лица приближенными к Кремлю журналистами, вышла кособокой и прибыли большой не принесла. За рубежом тиражи не расходились. На открытый счет поступило всего около 100 тыс. долларов. Но потом оказалось, что счет пополнился невесть откуда взявшимися 5 миллионами «зеленых». Потом придворный олигарх купил для президента виллу в Ницце за 25 млн долларов, дочке Тане понравилось коллекционировать платиновые часы, зятю отошел пополам с Березовским «Аэрофлот», любимый глава администрации поделил с Березовским телекомпанию ОРТ («КП», 24.09.98) и т. п.

Последняя информация, ставшая известной благодаря бывшему ельцинскому охраннику Коржакову и озвученная депутатом В. Илюхиным, вызвала комментарий замглавы президентской администрации (по совместительству – любимца Лужкова и протезе Чубайса) Е. Савостьянова: «Что касается акций ОРТ, то здесь никакого криминала нет. Президенту передавались права на них только на срок исполнения им своих обязанностей. Можно сравнить эту передачу с получением служебного жилья. После ухода с госслужбы человек квартиру обязан сдать» («Сегодня», 26.11.98).

Опубликованная Ельциным декларация о доходах – дополнительное подтверждение того, что номенклатура одновременно бесится с жиру и уверяет граждан в том, что живет очень скромно.

Президентская супружеская пара, как свидетельствует из декларации, владела собственностью без малого на 1 млрд 200 млн рублей, а доход ЕБН в 1996 году составил 243 млн рублей. Из этих цифр можно заключить, что в течение 6 лет президентства бедный Ельцин почти ничего не тратил, только накапливал. Если же вспомнить, что за этот срок зарплату ему приходилось поднимать неоднократно (инфляция, господа!), то и вовсе получается, что покупательная способность президента с годами сильно упала. Между тем, у Ельцина, по всей вероятности, были специальные поставщики, готовые себе в ущерб продавать президенту весьма недешевые товары. Так, личный БМВ Ельцина оценен в 12 тыс. долларов при реальной стоимости не ниже 20 тыс., личная дача площадью 452 кв. м. на участке в 4 га в престижном районе оценена в 200 тыс. долларов при реальной стоимости не менее нескольких миллионов долларов. По утверждению Ельцина его доходы состояются из зарплаты (на тот момент – 10 млн рублей) и процентов по вкладу в Сбербанк, который является гонораром за книги. Выходит, что проценты в 1996 году составили не менее 123 млн рублей, что означает размещение вклада в размере никак не меньшем миллиарда рублей.

Власть имеет свои тайны и до времени не известные сюжеты, которые позднее всплывают в мемуарах и рассекреченных документах. Ельцинизм обнажил свою натуру гораздо раньше. Те, кто имели доступ в самые глубины закулисы, поторопились рассказать всему миру, как они жили и чем занимались во власти. Они говорили не об интересах и проблемах России, не о сложных задачах, которые приходилось решать, управляя рассыпающимся хозяйством. Нет! Они повествовали о склоках, пьянках, позоре, который теперь доступен всякому.

Из первых мемуарных книг, которая оказалась на прилавках магазинов и дала автору немалые доходы и даже славу разоблачителя, оказалась книга ельцинского телохранителя, а потом закулисного игрока генерала Коржакова: «Борис Ельцин: от рассвета до заката». Кор-

жаков постарался припомнить все, но поразительным образом соединил оправдание Ельцина с его дискредитацией.

Самый ранний эпизод книги – 1987 год, когда Ельцин выступил на пленуме ЦК КПСС, а потом на пленуме Московского горкома, где неожиданно «признал прежнее поведение ошибочным, покаяться перед партией». Тогда у широкой публики он снискал сочувствие: каяться никому до сих пор не приходилось, поскольку никто и шагу в сторону от «генеральной линии» не мог сделать. А тут – покаяние, ставшее достоянием публики, но при этом не кончившееся изгнанием и репрессиями. Коржаков постфактум реабилитирует Ельцина: несчастный, оказывается, был болен. Перед пленумом врач влил в Ельцина «смертельную дозу баралгина», после чего тот впал в прострацию и в этом состоянии оказался на трибуне. Разумеется, тем самым он как бы и не отвечал за слова, которые тогда произносил. На самом деле, Ельцин просто трусил и от трусости наглотался лекарств. А говорил то, что заготовил заранее. Текст речи разоблачал его как личность жалкую. К сожалению, неприятие КПСС тогда было еще сильнее. Поэтому люди искали для Ельцина оправданий. Иначе они бы остались без надежды, без лидера, на которого рассчитывали хотя бы для того, чтобы выразить свое отношение ко всем уже надоевшей партии.

Интересно, что врач, «прописавший» Ельцину убойную дозу лекарств и превративший его на время в «лунатика», потом оказался личным врачом В. Черномырдина. И почему-то домочадцы Ельцина ненавидели этого человека. Может быть, потому что старались списать на него «лунатизм» вождя демократов, который едва не стал финалом его политической карьеры. Сам Ельцин, по свидетельству Коржакова, был неприятно удивлен, столкнувшись со своим бывшим врачом в окружении Черномырдина. А в 1994 году врач Д. Нечаев погиб от насильственной смерти.

Не удивительно, что Ельцин и его ближайшие соратники, бывало, впадали в пограничные состояния. Их жизнь была сплошной пьянкой. Коржаков свидетельствует, что Геннадий Бурбулис, которого Ельцин собирался повести за собой на выборы президента РФ в 1991 году и сделать вице-президентом, продемонстрировал всю свою философию и всю свою культуру. Произносимый им тост при женщинах и детях оказался насыщенным ненормативной лексикой, а потом ему сделалось дурно, и он отошел в угол, чтобы очистить желудок. После такой процедуры он счел возможным продолжить тост. По одному этому эпизоду мы можем оценить, насколько адекватен был один из влиятельнейших соратников Ельцина.

Впечатляющая пьянка соратников, живописуемая Коржаковым, относится к августовским дням 1991 года. Судьба страны оказалась в руках пьяниц. Два десятка человек, включая Лужкова с женой и Гавриила Попова, провели все это время, что называется, «не просыхая». Коржаков пишет: Попов так «захмелел», что его «двое дюжих молодцов... еле вынесли под руки... а уборщицы жаловались, что с трудом отмыли помещение после визита Гавриила Харитоновича». И далее, после «победы», все участники переворота «расслабляются» коньячком беспрерывно.

Другой пример – пьянка во время «беловежского сговора». Коржаков описывает, как упившаяся компания отправляла в небытие могущественную державу.

Следующий судьбоносный этап – март 1993 года, указ «Об особом порядке управления страной» (ОПУС). Компания путчистов распланировала, как душить народных депутатов хлорпикрином. Как только оказалось, что импичмент Ельцину не добрал голосов, компания алкоголиков собралась изрядно выпить и закусить – Ельцин, Черномырдин Грачев, Илюшин, Баранников...

Собственно путч 1993 года. Ельцин снова пьян. Во время трагических событий в Останкино он пошел спать. Коржаков рассказывает, как он тормозил «всемирно избранного» ночью, решал вопросы расстрела и штурм парламента. Но к утру Ельцин опять заснул, запершись в задней комнате своего кабинета. Пока Коржаков занимался штурмом, как оказалось,

Ельцин с компанией вновь пьянствовали. Москва была залита кровью, а ельцинисты собрались в банкетном зале. Подробностей мемуарист не приводит, но признаки всеобщего опьянения безнаказанностью и водкой, судя по его «картинке», налицо.

Далее – Шеннонский инцидент, опозоривший нашу страну. В Вашингтоне во время встречи с Клинтоном Ельцин выпил несколько бокалов. Что оценено мемуаристом, как «совсем немного». Но через некоторое время в полете над Атлантикой Ельцин оказался мертвецки пьян: «встал, упал, описался». Жена и холопы хлопочут над безжизненным телом. Для нас с вами сообщают: микроинсульт, сердечный приступ. Потом оживившийся Ельцин сказал: «Я просто проспал». И свалил все на своих помощников, которые его «не разбудили». При этом иностранные дипломаты, готовившиеся встретить президента России, были изумлены картиной: Ельцин, писающий на колесо самолета. Делал он это, надо полагать, не приходя в сознание.

Позорнейший эпизод: «Ельцин дирижирует оркестром». Кадры этого позора облетели весь мир. Коржаков пишет, что его патрон с утра «уже устал», потом «расслабился перед церемонией», потом за обедом «выпил много сухого вина», отчего «резвился: гоготал сочным баритоном, раскованно жестикулировал и нес откровенную ахинею». Наконец, Ельцин начал «музичировать около мэрии вместе с оркестром полиции Берлина»: подражал дирижеру, пел дурным голосом отрывочные слова из «Калинки-малинки». Толпа улюлюкала. Было отчего: Ельцин окончательно сдавал Германию. Русские войска выводили в чисто поле на родину. Кривляющийся алкоголик как нельзя лучше иллюстрировал состояние России.

По описаниям Коржакова, Ельцин и его соратники почти всегда пьяны. Что бы они ни делали, всегда пили. Коржаков с Барсуковым с американскими коллегами выпивают «грамм по семьсот». Коржаков с Явлинским – три бутылки шампанского. С Шумейко и Баранниковым Коржаков выпивает четыре бутылки коньяка за присест. Экскурсия по Енисею – вся ельцинская компания пьяна вдреизг. Решается кадровый вопрос – всегда приносят бутылку. Ельцин приезжает к Коржакову в больницу – пьют несколько часов кряду. Ельцин с Кучмой упиваются настолько, что первый протаранил головой дверной косяк, а второго пришлось выносить. С Черномырдиным Ельцин без пьянки не общался. А тот не общался без мата. Ясно также, почему и у Черномырдина, и у Ельцина иной раз нормальные русские слова не проходят сквозь глотку – не хватает привычных оборотов с тюркскими корнями и русскими приставками и суффиксами.

Конечно, Ельцин и не думал становиться миллиардером. Вокруг воровали все, и это было оправдано идеологической догмой. Но себе Ельцин брать не мог: это было «не по-царски». Поэтому брали его родные и близкие. Ему самому было удобно думать, что деньги в чемодане – это авторские гонорары за написанную не им книжку «Записки президента». Коржаков свидетельствует: «тысяч по шестнадцать долларов... ежемесячно приносит литературный обработчик мемуаров» В. Юмашев (затем – глава президентской администрации и зять любимой дочери). Ельцин «складывал деньги в свой сейф».

Барские замашки Ельцин демонстрировал и в «квартирном вопросе». Квартира его семьи на Рублевском шоссе – это не просто жилье. Здесь при Ельцине в дом, построенный для кремлевских врачей, заселились те, кто хотел быть ближе к уху и кого Ельцин хотел держать под рукой: Шахрай, Сосковец, тот же Юмашев, Грачев, Черномырдин, Тарпищев, Лужков, Барсуков, Ресин, Гайдар. Кто не оправдывал доверие Ельцина, удалялись без всяких разговоров. После перехода Баранникова на сторону парламента в 1993 году его квартиру получил министр внутренних дел Ерин. Генеральный прокурор Казанник тоже был лишен квартиры за то, что посмел добиться амнистии для защитников парламента – «подвел президента».

Кто реально был хозяином положения, следует из слов в адрес начальника Федеральной службы контрразведки – того, что осталось от КГБ. Коржаков передает слова настоящих хозяев России, скрывавшихся за спиной Ельцина. Березовский: «...если вы не понимаете, что мы

пришли к власти, то мы вас просто уберем. Вам придется служить нашим деньгам, капиталу». Чубайс: «Если этот президент не будет выполнять того, что мы ему скажем, то поменяем президента».

В Старом Огарево банкеты проходили с командой Чубайса, с Гусинским, Березовским и прочими им подобными. Это они – настоящие хозяева жизни. А Ельцин – так, петрушка на базаре. Только злить его не надо, – вот и вся придворная политика. Если ее соблюдать, то страну можно грабить так, как не грабил ни один ордынский хан.

Еще до всяких «демреформ» Ельцин, переехав из Свердловска в Москву, тут же организовал для семьи дочки Лены отдельную жилплощадь. Дочка Татьяна принимает от Березовского сначала «Ниву», потом «Шевроле», а потом и более дорогие подарки.

Хасбулатов впал в немилость, потому что посмел пригласить в сауну, где находился Ельцин, своего массажиста.

Ельцин въезжает в квартиру Горбачева. «Спальный гарнитур из карельской березы с изящной инкрустацией... потом перевезли на личную дачу Ельциных». Барвиха показалась бедной – переехали в шикарный особняк в Огарево. Горбачевский Ил-62 тоже слишком скромно – зачерпните из казны и отделайте салон на полмиллиона долларов. И это не понравилось: нет отдельного санузла для «всемирно избранного». Пришлось отделывать в Швейцарии другой самолет.

Итак, Ельцин пьет и жрет. Когда он работает? Об этом от мемуариста мы не узнаем. Ельцин не руководит страной, а все время ноет. Ельцин не знает, что такое служба Родине, а потому привечает только тех, кто демонстрирует личную преданность. Больше всего любит, когда говорят о нем, млеет от комплиментов. Телевизор не смотрит, газет не читает. При этом он – инвалид. Не только потому, что лишен пальцев. У него травмирована спина, проблемы со слухом (одно ухо почти не слышит), он перенес пять инфарктов. Страной формально управлял клинический тип.

Приговор Коржакова своему прежнему хозяину исходит не из анализа его личности и сложившихся вокруг него условий. Он просто повторяет то, что к моменту выхода мемуаров было очевидным подавляющему большинству: *«У него было все, чтобы грамотно провести реформы, предотвратить коррупцию, улучшить жизнь миллионов россиян. Но Борис Николаевич поразительно быстро был сломен всем тем, что сопутствует неограниченной власти: лестью, материальными благами, полной бесконтрольностью... И все обещанные народу перемены свелись, в сущности, к бесконечным перестановкам в высших эшелонах власти. Причем после очередной порции отставок и новых назначений во власть попадали люди, все меньше и меньше склонные следовать государственным интересам. Они лоббировали интересы кого угодно: коммерческих структур, иностранных инвесторов, бандитов, личные, наконец. Да и Ельцин все чаще при принятии решений исходил из потребностей семейного клана, а не государства».*

Наверное, не стоило бы читать, а тем более анализировать труд другого ельцинского хлебателя – бывшего пресс-секретаря В. Костикова «Роман с президентом». Сладенькое название предвещает какую-нибудь мерзость. Но такова участь летописцев – читать надо.

Эта книжка по сравнению с яркими воспоминаниями телохранителя Коржакова смахивает на упражнения графомана. Да и пишут почти об одном: Костиков – с умолчаниями и недомолвками, Коржаков – открыто. И все-таки, в отличие от Коржакова, Костиков был тем, кто мотивировал деятельность президента, формировал его мировоззрение. Телохранитель, если и пытался подталкивать Ельцина на отдельные поступки, так и не смог стать его «вторым Я». Костикову же Ельцин поддался, а потому книга пресс-секретаря помогает проникнуть в потемки президентской души.

В Кремле все знали, что Костиков пишет книгу. Ходили и боялись. Кто припугнуть пытался, кто подольститься. Даже Ельцин боялся выпшвырнуть Костикова взашей. Но и рядом

с собой держать было страшно – вдруг еще чего-то лишнего узнает да понапишет об этом. Налил на прощанье фужер коньяку и назначил Костикова послом в Ватикан.

Но Костиков, судя по его книге, оказывается осведомленным скорее о застольях, чем о содержании деятельности «команды Ельцина». Как и Коржаков, он больше пишет о том, кто и сколько мог выпить, кто был допущен к президентской сауне и т. п.

Милые шуточки были приняты в среде «приближенных к телу». В качестве намека на скорое назначение в Ватикан, как рассказывает Костиков, ему подарили карикатурную фигурку молящегося монаха. *«Когда фигурку слегка поднимали, из-под сутаны выскакивал огромных размеров член радикально-фиолетового цвета»*. Таким образом, по свидетельству пресс-секретаря мы можем представить себе атмосферу дворцовых скабрёзностей, слабо сочетающихся с задачами государственного служения.

Костиков пишет, что президент осознавал себя воссоздателем величия России, но тут же оговаривается, что воссоздавалась пустая помпезность, что пар уходил в «президентские фанфары», написанные специально для обозначения явления президента народу. Вместо упорной работы на благо страны, Ельцин то и дело «брал тайм-аут» и ожидал «когда прорежется внутренний голос», «когда либо эксперты дадут вразумительный анализ или совет, либо его самого “осенит”». Государственное служение у Ельцина заменялось составлением списков приглашенных на приемы в Грановитой палате и согласованием меню.

То же касается и алкоголя. Холопим удовольствием пованивает от строк о том, как Костиков вкусно ел и пил при дворе своего хозяина: *«А вот вина, как правило, [подавали] плохие. Французские или итальянские вина на президентских приемах, как правило, не подают и, наверное, правильно делают. Но свои хорошие вина оказались за границей, в близком зарубежье. Запасы же кончились. Когда в кремлевских подвалах еще оставались запасы от щедрот Советского Союза, подавали прекрасное молдавское каберне. Но потом и оно кончилось. Разливают красное с экзотическим названием “Царское”. Но это порядочная дрянь. Кто его придумал, я просто не знаю. Того, кто убедил президента, что это хорошее вино, я бы заставил пить уксус. Хорошо, что снова стали подавать водку. В 1992 году, когда я только начал работать в Кремле, водку не подавали – видимо, по инерции трезвенных лигачевских времен. Впрочем, всегда можно было мигнуть знакомому официанту, он, спрятавши бутылку под хрустящую салфетку, нальет стопочку-другую. Благо, что закуска будто специально изощрена под графинчик “беленькой”»*.

То есть в ельцинском окружении, под стать президенту, сложилось самое благодушное отношение к пьянству. Костиков рассказывает, как на церемонии подписания Договора об общественном согласии к президентскому столу рвался Жириновский с целым ящиком водки, а когда его не пустили, начал раздавать бутылки всем подряд. Пропрезидентские политики, наравне с оппозицией, с удовольствием расхватывали дармовую «огненную воду». Да и в прочих случаях рюмки, судя по книге Костикова, опрокидывались по любому поводу.

Костиков рассказывает как «рабочая группа» готовила послания президента. Было принято *«вознаграждать себя небольшим застольем»*. *«После нескольких рюмок водки человек становится откровеннее и разговорчивее. Да и, попросту говоря, надоело все время держать себя за язык»*. Холопы играли своих господ, распределяя между собой их роли и произнося от их имени тосты. Ельцин относился к этой братии именно как к холопам. Он практически никогда не благодарил за выполненную работу. Холопы ублажали себя сами – говорили друг другу приятные слова.

Словом, спиртное в мемуарах бывшего пресс-секретаря льется рекой. Вот Костиков пишет, как Ельцин и польский президент Валенса соревновались: кто кого перепьет, а дворня, наблюдающая за этим, переживала про себя: *«Да закусывай же, закусывай, Борис Николаевич!»* Потом Костиков признается, что в тяжелой ситуации «хочется по-шкиперски хватануть стакан рому. Но в России, как известно, в почете другие напитки...». Вот и получается: «Ельцин со

стаканом, Ельцин с бутылкой, Ельцин «вприпляс», Ельцин с раздобрившим лицом после дегустации кумыса в Калмыкии...».

Не удивительно, что от нездорового питания и непомерного употребления алкоголя лицо у Ельцина оплывало. Психологи посоветовали не демонстрировать физиономию президента на телеэкране, заменяя телеобращения радиовыступлениями. К радиообращениям Ельцин перешел, но при этом не отказал себе в удовольствии нести в массы свой опойный образ. Поскольку самостоятельно удерживать определенную эмоциональную окраску своих выступлений он уже не мог, референты подчеркивали в листочках слово «улыбнуться» и делали дубли, когда он забывал сосчитать из останков своего лица нечто добродушное.

«Роман с президентом» однозначно свидетельствует: в Кремле царили политические интриги, и ничего не предпринималось ради судьбы страны, разрешения ее проблем.

Костиков пишет о том, как Ельцин без зазрения совести запускнул руку в карман государства ради того, чтобы поднять свой авторитет среди чиновничества. В период первых своих поездок по стране уже в качестве президента России он брал с собой сотни миллионов рублей, чтобы «сделать подарок трудящимся». Ездил, как отмечает Костиков, все больше по «личным друзьям». Поездки эти проходили «по канонам «партхозактива». «Считалось, что в поездках он узнает много нового и интересного, слышит голос правды и голос России. Но это была совершеннейшая чепуха».

Практически исключив из повествования истории о принятии важных государственных решений, Костиков остановился разве что на том, как Ельцин торговался с японцами из-за островов. Японцы не хотели давать сто миллионов долларов, Ельцин не хотел отдавать острова даром – вот и вся игра, которой Костиков попытался придать вид психологического противостояния.

«Блестящая фраза», которую подкинул Костиков Ельцину для выступления перед американцами, симптоматична: «Сегодня свобода Америки защищается в России». То есть, прямым текстом говорилось, что Ельцин защищает интересы американцев. Прочувствовать смысл произнесенной Ельциным фразы ее автору не дано. Самому Ельцину – тем более.

Костиков вряд ли отдавал себе отчет, что описывал команду Ельцина с неприязнью. О шефе Министерства иностранных дел: *«Козырев той поры был одной из “священных коров” на демократическом пастбище»*. Качество другого своего коллеги по «пастбищу» – тихого первого помощника В. В. Илюшина – оценены так: *«Виктор Васильевич предпочитал не высказывать идей, не формулировать предложений. Как правило, он присоединялся к мнению президента»*. Про получившего одну из высших государственных наград режиссера Марка Захарова Костиков пишет, как этот представитель «творческой интеллигенции» на совещаниях президентского «мозгового центра» постоянно требовал «раздавить гадину» – Верховный Совет. Понятно, за что он получил орден из рук президента. Именно за это – за жажду крови, оказавшуюся столь заразной.

Обострение политической ситуации, как выясняется из «романа», в тот период организовывали, помимо Костинова, еще Бурбулис, Полторанин, Чубайс и Козырев, которые «вынуждены были идти на нарочитый политический эпатаж, чтобы привлечь внимание к остроте ситуации» заявлениями о возможности государственного переворота. Начали они свой гадостный спектакль еще в октябре 1992 года. После пресс-конференции, рассчитанной исключительно на Ельцина, последний своим указом распустил оргкомитет ФНС, и этим противозаконным актом только подлил масла в огонь. Кстати, это был тот самый момент, когда Ельцин с Чубайсом и Гайдаром вывалили в народ море фальшивых свидетельств на право собственности – ваучеров.

Костиков выболтал подробности ельцинского путча 1993 года, фактически делая ценные для будущего следствия признания в том, что вооруженное свержение законной власти было

заранее подготовлено и осуществлено при участии значительного числа представителей столичных СМИ и «творческой интеллигенции».

Отрадно и то, что ложь Костикова не вышла за пределы привычных журналистских штампов, повторяемых из года в год в оценках событий октября 1993 года. Значит, страх разоблачения остается, как остается и страх расплаты. Ведь не случайно мимоходом признана фальшивость власти «демократов»: *«Если бы не контроль над силовыми структурами, который президент взял на себя после 1991 года, то, боюсь, политическую борьбу за власть демократы в 1992–1993 годах проиграли бы. Тот факт, что в октябре 1993 года президенту все-таки пришлось прибегнуть к “последнему доводу королей”, и вывести к Белому дому танки, в сущности, говорит о том, что политическую партию мы проиграли».*

Вся книга бывшего пресс-секретаря представляет собой описание закулисной борьбы с конституционным строем и установление единоличной власти Ельцина – личности деградирующей, злобной, ставшей инструментом предельно бесстыдных и подлых людишек. Но что обиднее всего, книга подтверждает наше знание о том, что Ельцин – тряпка и трус, развалина в физическом, интеллектуальном и духовном отношении. Не победить его в политической схватке могли только совершенно неспособные к организации и дисциплине люди, не имеющие мировоззренческого стержня.

Уход Ельцина с поста президента в 1999 году был неожиданным. Здоровье его к этому моменту не ухудшалось, политическая ситуация была под контролем, публика души не чаяла в фаворите Ельцина Владимире Путине. Причин для отставки просто не было. Ельцину вовсе не требовался отдых. Он на своем посту прекрасно отдыхал, когда хотел и сколько хотел. Некоторые «проницательные наблюдатели» утверждают, что Ельцин просто умер. А вместо него исполнять роль вышел двойник. Точно такие же подозрения бытовали и в 1996 году после президентских выборов, когда Ельцин, действительно, был при смерти. Чуткие исследователи разглядывали на фотографиях рисунок ушной раковины, замечая, что он стал иным. Как известно, этот рисунок подобен отпечатку пальцев – у каждого уникальный.

Люди, подделавшие результаты президентских выборов, конечно же, могут подделать и президента. Но нас интересует другое: сущность той группировки, которая могла заниматься и этим, но главным образом вела разграбление России, какого не знала история ни одного государства.

Концентрированный итог деятельности Ельцина и его соратников был подведен в попытках начать процесс импичмента, который Госдума готовила несколько месяцев и с позором провалила в мае 1999 года.

Вот вкратце обвинения, которые специальная думская комиссия сформулировала в адрес Ельцина:

1) Организация заговора с целью захвата государственной власти, выразившаяся в заключении Беловежских соглашений, повлекших за собой расчленение страны вопреки действующему законодательству и воле народа, выраженной на референдуме 17 марта 1991 года. Соучастие в этом процессе других высших должностных лиц и, в частности Верховного Совета РСФСР, ничуть не умаляет вины самого Б. Ельцина.

2) Организация по сговору с другими лицами насильственного захвата власти в сентябре-октябре 1993 года, сопровождавшегося грубым попранием Конституции и гибелью сотен людей. Налицо заговор с целью захвата власти, превышение служебных полномочий с применением оружия и умышленные убийства при отягощающих обстоятельствах.

3) Грубое превышение должностных полномочий при принятии решения о применении вооруженных сил на территории Чечни, повлекшее за собой гибель сотен тысяч людей и тяжелые последствия для населения и для международного престижа страны. Необходимость подавления бандформирований, захвативших власть в республике, никоим образом не оправдывает произвол и применение негодных методов такого подавления. Тем более, что примене-

нию вооруженной силы предшествовал период явного пособничества бандитам, безнаказанно попиравшим права граждан и российский суверенитет в 1991–1994 гг.

4) Государственная измена, выразившаяся в политике, направленной на удовлетворение геополитических интересов США и нанесении тяжелого ущерба национальной безопасности России. Российская армия фактически разрушена. В общевойсковых соединениях насчитывается всего 12 полков постоянной боевой готовности, в вооружениях преобладают устаревшие образцы, в ВВС исправными являются только 55 % боевых самолетов, в ВМС 75 % стратегических подводных крейсеров требуют немедленного ремонта, моральный дух армии разрушен безденежьем и отсутствием смысла службы.

5) Геноцид российского народа, выразившийся в целенаправленной и корыстной политике резкого ухудшения условий жизни большинства граждан ради создания привилегированного слоя крупных собственников, служащих опорой режиму. Результатом геноцида стало сокращение в 1991–1997 гг. численности населения РФ на 4,2 млн. человек и необратимые процессы, приводящие к 2015 году к сокращению населения еще на 8,6 млн. человек. Россия вымирает под пятой античеловеческого режима в муках и позоре: реальные доходы населения в течение всего периода правления Ельцина падают, госаппарат всячески способствует деятельности преступных финансовых и олигархических группировок (вспомним ограбление населения в результате либерализации цен в 1992 году, расхищение общенародной собственности во время приватизации, разрешенное воровство десятков фирм-«пирамид», изъятие сбережений населения после августа 1998 года).

В последний день 1999 года Борис Ельцин, следуя замыслу «закулисы», решавшей вопрос о передаче власти Владимиру Путину огорошил страну прощальной речью. В его почти бессвязной речи не было ничего, кроме надрывного «прошу меня простить». За что простить – этого Ельцин не знал и сам. Просто таков был текст. Ельцин должен был унести с собой в политическую отставку весь негатив. А преемник должен был начать все «с нуля». Правда, только внешне. На самом деле он должен был продолжить разорение страны и легитимацию олигархии. Прошедшие годы показали, все было именно так: ельцинизм без Ельцина добивал страну.

В 2007 году Ельцин умер. Ему были устроены похороны по канону, предусмотренному для Царей. Церковь не смогла перечить олигархии, которая и священство считало исполнителями своей воли. Собственно, так оно и было. Ритуал был оскорблением России. Как и вся деятельность Ельцина и стоящих за его спиной врагов нашей страны. В дни похорон они свою враждебность и не скрывали. Вопреки сложившемуся в народе мнению о Ельцине практически все известные и полузабытые политики считали своим долгом прославить человека, пропившего свою совесть, а с ней и страну. Они выстаивались в очередь к видеокамерам и являли свою скорбь по Ельцину на всю страну. Эфир центрального телевидения был переполнен передачами, самым бессовестным образом извращающими все, что было с нами в 90-е. Ельцина представляли «гигантом мысли, отцом русской демократии». Ни тем, ни другим он никогда не был.

Оценка Ельцина его зарубежными почитателями была откровенна. Так, британский журналист Марк Симпсон писал в 2007 году в The Guardian:

«Причина высокой оценки Ельцина на Западе – та же самая, по которой его ненавидят в России: с точки зрения Запада он был лучшим президентом России в истории. Он не только пресмыкался перед западными интересами, но и руководил почти окончательным уничтожением своей страны как политической и военной силы на мировой арене. Он втоптал Россию в грязь, чтобы нам не пришлось делать это самим.

Да, было бы прекрасно, если бы в посткоммунистический период российская экономика достигла расцвета и российскому народу не пришлось бы столько страдать, но, если платой за устранение серьезного соперника с мировой арены и получение доступа к ее гигантским и стратегически важным природным ресурсам является деградация и обнищание целого народа,

за вычетом горстки счастливых победителей лотереи и бандитов, тогда игра стоит свеч, верно?».

По-другому оценивает своего шефа Сергей Филатов, возглавлявший ельцинскую администрацию в 1993–1996: *«Борис Николаевич очень мужественно вел себя в последние годы, не вмешиваясь в то, что делала наша власть. Но он, безусловно, очень переживал – ведь на его глазах ломалось то, что было им сделано. Я думаю, эта боль и горечь ускорила его смерть».* *«Вспоминаю, как он говорил: “У меня уже нет сердца, остались одни угольки оттого, что я слушаю столько горькой неправды о себе, на меня выливаются потоки грязи и компромата”».*

На границе жизни и смерти Ельцин, выходит, стал что-то понимать о себе. По крайней мере, понял, что народ его ненавидит. И даже те, кого он провел во власть, предпочитают отречься от него, чтобы не испачкаться грязью 90-х годов.

Честно о своем бывшем патроне сказали немногие. Например, Александр Коржаков: *«Какие счета могут быть к человеку, когда тот не в своем уме, а ведь после 65-ти себе Борис Николаевич практически не принадлежал и даже своими мыслями, кажется, не руководил. (...) Как бы там ни было, встретив Бориса Николаевича утром 2 февраля 1996-го, на следующий день после 65-летия, я его не узнал. Передо мной был страшно постаревший и подурневший человек с явными признаками если не маразма, то какого-то дебилизма. Спустя время он смог постепенно встряхнуться, воспрянуть, но, видимо, это было только частичное восстановление. Впоследствии Борис Николаевич был лишь марионеткой в руках Семьи, Чубайса, Юмашева, Березовского и кого хотите еще, но сам уже не руководил».*

На похоронах Ельцина выстроилась целая вереница ставленников олигархии, ее идеологов и ключевых фигур. Все говорили одно: *«Ельцин дал нам Свободу!»*

Да, им он дал свободу уничтожать нашу страну и нас.

Об этом сказал Чубайс: *«Он привел нас из несвободы к свободе. Из страны, в которой вранье было просто повседневным, повседневным и всеобщим – от генерального секретаря ЦК до любого собрания, – в страну, которая пытается жить по правде».* *«Он прошел через всеобщую любовь и через почти полное непонимание. Может быть, после смерти, как на Руси принято, оценят его по-настоящему».*

Проезжая вдоль бесконечных заборов на одной из подмосковных электричек, я несколько лет видел одну и ту же надпись, которую некому и незачем было стирать: *«Ельцин – лжец».*

Мы, русские люди, все уже оценили и уровень правдивости Ельцина, и историческую роль ельцинского окружения. В таких случаях говорят: *«ни дна тебе, ни покрывки».*

1991 – год измен

Советский Союз, несмотря на всю идеологическую чуждость его идеологии русской традиции, оставался для нас, русских, Родиной, которую очень часто называли «Россия» – и обычные люди, и крупные писатели. «Советский Союз» – это всего лишь официальное наименование государства, которое к концу 80-х годов XX века пора было сменить на название историческое и всеми любимое. Но вместо этого нам подсунили обломок страны с названием «Российская Федерация» и в дополнение – фальшивку СНГ, в котором не было действительно суверенных государств. Это, скорее, клуб президентов, премьеров, министров иностранных дел...

Тем, кто помнит, что случилось с нашей страной 20 лет назад, тяжело смотреть, как чествуют Михаила Горбачева – инициатора расчленения страны, который имел в руках все инструменты управления, чтобы подавить крамолу и вывести страну на магистральный путь ее развития, заложенный в традиции. Но он предложил иной путь – «обновленного СССР». Теперь же в честь 80-летия его награждают высшим орденом Российской Федерации, носящим имя святого апостола Андрея Первозванного. Безбожника и предателя – орденом имени первого сподвижника Христа! Это кощунство дополняется лондонским триумфом, в котором все враги России воздают дань исторической роли Горбачева, избавившего их от «империи зла». Теперь они торжествуют, утверждая по всему миру «федерацию зла».

1991 год был годом сплошных измен – прежде всего, со стороны тех, кому народ на выборах доверил управление государством. Измена носила тотальный характер и опиралась, прежде всего, на «фронду» в составе КПСС, где вызрели планы раздела страны между этническими кланами. Они отразились в решении IV Съезда народных депутатов СССР 24 декабря 1990 года, когда депутаты, избранные вовсе не для рассмотрения вопроса о территориальной целостности страны и статусе ее территорий, вдруг решили, что СССР надо «сохранить». Как будто в каких-то политических программах звучало требование его распустить! Как будто система национальной безопасности позволяла пропаганду подобной мысли! Как будто попытка расчленения страны даже на «теоретическом» уровне не требовала немедленного ареста таких «теоретиков»! Тот факт, что подобных арестов мы в тот период не наблюдали, свидетельствует, что система партаппарата и КГБ уже была пронизана изменой и готова к сдаче страны. Не случайно, всесильные «чекисты» не стали препятствовать организации преступных референдумов в Литве, Эстонии, Латвии, Грузии, Молдавии и Армении, которые посмели поставить под сомнение целостность государства и вне всяких законов объявили о независимости. Все, что тогда смог сделать Горбачев, – провести всесоюзный референдум 17 марта 1991 года, на котором во всех республиках СССР результаты были однозначны: граждане высказались против развала страны.

Руководство страны представило это так, будто народ просил о каком-то «новом» союзе, о его децентрализации и федерализации. Это была ложь. Люди проголосовали за целостность страны. Но руководство КПСС и «верхи» СССР предали их, начав подготовку к разрушению государственного единства и выделению для себя выгодных статусных позиций в новой бюрократической системе. Одни получили в управление огромные территории, быстро разорили их и теперь направляют в Российскую Федерацию своих граждан в статусе гастарбайтеров. Другие возвысились в должностях, получили широчайшие возможности грабить нашу страну и унижать наш народ.

Под руководством Горбачева весной-летом 1991 был разработан проект нового союзного договора, который должен был получить название Союза Советских Суверенных Республик (СССР). Внешне все выглядело так, будто страна расстается лишь со словом «социалистический». В действительности документы, которые готовились втайне, предполагали фактиче-

ски ликвидацию государства путем отмены прежнего союзного договора и заключения другого договора – теми лицами, чьи полномочия вообще не предполагали подобного выбора: выйти ли из прежнего договора, входить ли в новый... Это была прямая провокация: деструктивным силам предоставлялась возможность использовать формальный предлог и просто исключить из государства подконтрольные им «союзные республики».

Изменнический текст, предполагавший образование конфедеративного Союза суверенных государств (ССГ) был подписан в первом варианте 23 апреля, в окончательном виде – 17 июня 1991 года, а опубликован только 15 августа. Сохранившиеся экземпляры текста содержат личные правки Бориса Ельцина – изменника, прямо виновного в разрушении страны и попрании воли народа, никому не дававшего полномочий перекраивать страну новыми границами. И за свою измену получившего орден «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени, а позднее – пышные похороны, сходные с канонами, принятыми для русских царей (еще один акт кощунства), и омерзительный памятник в Екатеринбурге. Рукой Ельцина из проекта ССГ были вычеркнуты все без исключения пункты, которые позволяли бы надеяться, что подрыв основ государственного суверенитета можно будет в будущем компенсировать. В своей шизофренической ненависти к Горбачеву Ельцин стремился лишить президента СССР всех полномочий. Добиться этого ему удалось только ценой уничтожения единства нашего государства.

И снова всемогущий КГБ не пошевелил пальцем, чтобы пресечь государственную измену. Факт был налицо, но изменники не были тут же заключены под стражу, а продолжали свое дело. Горбачев объявил, что «союзный договор открыт к подписанию». Тем самым был декларирован роспуск прежнего государства и оглашено предложение образовать на его месте конфедерацию. Какая уж получится, и из тех, кто соизволит. При этом союзные государства оказывались совершенно независимыми, и их отношения переходили в международно-договорные.

После этого состоялся опереточный «путч». Он не предполагал ареста организаторов уничтожения страны. Группа растерянных соратников Горбачева обратилась к народу с вялыми словами без указания конкретных целей и стратегических перспектив. У них не было ни лидера, ни решимости отстоять Россию, ни готовности применить силу там, где это было необходимо. Трусливые организаторы Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) действовали с оглядкой на Горбачева, предполагая, что подыгрывают ему. Они старательно обманывали себя, перекладывая всю ответственность на президента СССР, не зная толком собственной ответственности, которая требовала немедленного установления реального ЧП и ликвидации сил, пытавшихся разрушить страну, всюду, где бы они ни проявили себя. Эти люди могли только проиграть, и они проиграли.

Горбачев был в сговоре с расчленителями. Поэтому 24 августа 1991 года он подписал указ о ликвидации правительства СССР. Указ был зачитан министрам. Те пошумели и разошлись. Ни один из них не сказал, что это государственный переворот, не выступил против разрушения страны, не рискнул жизнью ради спасения Отечества. Вместо кабинета министров был создан нелегитимный Комитет оперативного управления хозяйством, который фактически занимался только одним – ликвидацией общегосударственного управления. Особенно рьяно тогда крушил союзные структуры Юрий Лужков (тоже кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени), которого следует почитать как одного из организаторов мятежа и разрушения России.

Столь же постыдно и трусливо, как союзные министры и генералы Советской Армии, повели себя депутаты СССР, которые предпочли просто разойтись, не приняв никаких решений против мятежников и не объявив действия Ельцина, Горбачева и Ко государственным переворотом. Съезд народных депутатов СССР самораспустился по предложению Горбачева 5 сентября 1991 года. (Позднее – в марте 1992 года – попытки некоторых депутатов СССР собрать Съезд были расценены руководством РФ как посягательство на государственный суверенитет.)

В тот же день самозванцы, захватившие власть в Латвии, Литве и Эстонии, объявили о выходе из состава Союза ССР. И снова мощь аппарата подавления, которая дана государственным органам именно для того, чтобы подавить мятеж, не была применена. Горбачев и составленный им из глав республик нелегитимный Государственный совет тут же признали власть самозванцев над отторгнутыми территориями.

Осенью 1991 года даже конфедеративный договор никого не устраивал. Ельцинская группировка предлагала уже совсем никому не нужный Союз в форме конфедерации, которую уже не из кого было складывать – отряды мятежников всех мастей рвали страну на части, произвольно присваивая себе полномочия.

8 декабря 1991 года в Беловежской пуще в обстановке пьяного угара Ельцин, Шушкевич и Кравчук подписали России смертный приговор. И вновь они не были арестованы. В могучих структурах Министерства обороны, КГБ, МВД не нашлось тех, кто должен был исполнить свой долг – захватить и расстрелять на месте опаснейших мятежников. В этом проявилась вся гнилость государственной системы, созданной коммунистами. На первом месте у них были идейные штампы, которые легко заменились на новые и столь же бессмысленные – о правах человека, равенстве народов и разнообразных свободах. Нам подсунили пустышку СНГ вместо великой страны, которой для исторического рывка достаточно было одного – устранения идеологических шор, ликвидации КПСС, да и всех прочих народившихся партий и движений, которые несли России только вред.

Горбачеву было доложено, что происходит в Беловежской пуще. Он заранее знал, что в документе об образовании СНГ, формулировки которого согласовывались между рюмками водки, нет места союзным органам власти и содержатся положения об их ликвидации. Горбачев спросил своего помощника: «Что же делать?» Ему было предложено единственно верное решение: «Два-три вертолета. По вашей команде. Поднять «Альфу». Участников незаконного разрушения страны под домашний арест. Утром Вы обращаетесь по телевидению к народам ССР и спрашиваете: «Вы голосовали в марте 1991 года за сохранение Союза ССР? А они наплевали на вашу волю и хотят разрушить СССР. Что будем с ними делать? Судить народным трибуналом?» Уверен, что народ выскажет свое мнение в Вашу поддержку, за сохранение СССР». Каков был ответ Горбачева? «Я так не могу...» (А. А. Сазонов. Предателями не рождаются, М., 2006).

В результате вот уже 20 лет мы живем на пепелище, униженные и ограбленные шайкой, пришедшей к власти в результате мятежа Горбачева-Ельцина. Но мы как народ не сдавались, не капитулировали. Мы были преданы теми, кому так наивно поверили, и кого поначалу так бурно поддерживали во всех начинаниях. Мы дорого заплатили за свою наивность, которая еще не выветрилась из нашего народа, а лишь изменила формы. И будем платить до тех пор, пока не поймем, что народов в мире – множество, государств – совсем мало, а суверенных государств – единицы. Мы были суверенным государством, тогда как сегодня Российская Федерация – обломок Большой России – несuverенна. А значит – нас будут и дальше грабить те, кто нажился на нашем горе в 90-е годы, а в 2000-е годы образовал стойкий альянс олигархии и бюрократии. Этому альянсу может противостоять только сплоченная нация, сплоченная русским национализмом, призванным стать идеологией освобождения от нового рабства, в котором мы пребываем. И тогда мы получим шанс вернуть величайший Божий Дар, который наши предки пронесли через века, – воссоздать Великую Россию.

Первый акт спектакля: «Переворот»

Из Заявления Советского руководства от 18 августа 1991 г.:

«В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР..., в целях преодоления глубокого и всестороннего

кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1... идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и Законы Союза ССР...»

Из Обращения ГКЧП к советскому народу, 18 августа 1991 г.:

«Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества... Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями...

...Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма – регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывающегося десятилетиями... Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком будущем неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы...

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной Закон

СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные Советы...

Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящие под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности...

Наш многонациональный народ веками жил, исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущие поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час – значит взять на себя тяжёлую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени...»

Из Заявления руководства РСФСР от 19 августа 1991 г., 9.00:

«В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правовым, реакционным, антиконституционным переворотом. При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более широкий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания – 20 августа с. г.»

Официально проект Договора был опубликован всего за три дня до выхода цитируемого заявления. Подписывать его 20-го августа было нельзя: его обсуждение еще не прошло, законодательные органы на этот счет никаких санкций не давали. Получается, что на указанную дату готовилось тоже нечто вроде переворота. Страну хотели поставить перед фактом, очень своеобразно трактуя результаты референдума. А слова о стремлении к единству Союза – это самая наглая ложь. Дальнейшие события это ярко подтвердили.

Далее.

«Такое развитие событий вызывало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем такие силовые методы неприемлемыми. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета...»

В заявлении излагалось требование обеспечить выступление Горбачева перед народом, созвать Чрезвычайный Съезд депутатов СССР, призывы к военным – не принимать участия в перевороте, к гражданам – объявить бессрочную забастовку.

Из обращения Координационного совета движения «Демократическая Россия», 19 августа, 15.30:

«...группа высокопоставленных заговорщиков, отстранив от власти Горбачева, а также Ельцина и законные власти по всей стране (это была явная дезинформация с целью раздувания страстей – А. С.), совершила попытку военного переворота, назвав его «временным чрезвычайным положением». Мы призываем остановить работу на всех промышленных предприятиях... Генералы и офицеры, верные присяге, берите инициативу в свои руки! Демократы, создавайте повсюду комитеты гражданского сопротивления!»

Из обращения вице-мэра Москвы Ю. Лужкова, 19 августа, 16.30:

«Власть узурпировала группа лиц, именующих себя государственным комитетом по чрезвычайному положению, не имеющая конституционных полномочий на руководство страной, представляющая тем самым фактически хунту. В ее состав вошли лица, несущие основную и непосредственную ответственность за катастрофическое положение в экономике, общественной безопасности и социальных условиях жизни граждан. <...> Переворот преследует цель свернуть любые демократические преобразования и надолго оставить страну под властью реакционных сил...»

Из обращения Ельцина к военнослужащим 19 августа, 17.00:

«Страна оказалась перед угрозой террора. «Порядок», который нам обещают новоявленные спасители Отечества, обернется трагедией, подавлением инакомыслия, концентрационными лагерями, ночными арестами. «Лучшая жизнь» окажется пропагандистским обманом. Солдаты и офицеры России! В эту трагическую для России, всей страны минуту я обращаюсь к вам. Не дайте поймать себя в сети лжи, обещаний и демагогических рассуждений о воинском долге! Не станьте слепым орудием преступной воли авантюристов, поправших Конституцию и законы СССР. <...>

Над Россией, над всей страной сгустились тучи террора и диктатуры. Они могут превратиться в вечную ночь...»

Из обращения Ельцина к москвичам, 19 августа, 19.00: *«...Налицо тяжчайшее преступление – измена народу и Конституции страны. Действия путчистов направлены на демонтаж нарождающейся демократии и возврат к тоталитаризму. Члены комитета – главные виновники тяжелейшего кризиса в обществе – действуют как политические авантюристы. Захваченная силой власть в их руках обернется большой бедой для нашего многострадального народа, приведет страну к полной катастрофе. Еще нигде и никогда не удавалось решить экономические и политические проблемы с помощью оружия и насилия...»*

Выдержки из документов хорошо иллюстрируют нервную обстановку в первый день «переворота». Писавшие эти тексты явно не знали обстановки и рассчитывали напугать оппонентов. При этом ни у ГКЧП, ни у ельцинистов никакой позитивной программы не было. Они не знали, что произойдет завтра или даже через полчаса.

События развивались как бы сами собой, без участия высших должностных лиц государства, обязанных держать ситуацию под контролем. Государство куда-то исчезло, а истосковавшаяся по прямому действию стихийная оппозиция выплеснулась на улицы, не имея ни лидеров, ни понимания, что же делать.

Политизированная прослойка столичной публики рванулась на митинги, которые некому было организовывать. Их активность подхлестнули бронетранспортеры и танки, появление которых вызвало бурю негодования еще до того, как проявились намерения военных и постав-

ленные им задачи. Военная техника ожидалась только в составе карательной экспедиции против демократии. Интеллигенция мечтала пострадать. Но все же бдительно следила за настроениями военных. Чуть что – и толпа бы бросилась врассыпную. Но военные сами были растеряны, вовсе не собираясь давить людей бронетехникой.

19 августа в 11.30 у здания ТАСС уже стояли десять БТР, а офицер сказал журналисту, что при получении приказа придется стрелять. Ко всему прочему, не вышли газеты, а телевидение непрерывно передавало лишь «Лебединое озеро» и постановления ГКЧП. Типографии отказались принять в набор «Московские новости», «Московский комсомолец», «Российскую газету», «Куранты», «Независимую газету». Это подтверждало догадку: дело закручивается всерьез. В нарастание истерии внесли огромный вклад эмоциональные до вздорности заявления руководства России. Еще никто не знал, болен или здоров Горбачев, а действия ГКЧП уже именовались военным переворотом. Ближайшие соратники Ельцина нутром почувствовали, что надо играть ва-банк, не оглядываясь, не рассуждая.

Сначала даже здравый очевидец мог не заметить, что военная техника не имела задачи пройти там, где ее встретит людская масса. Всех обуяли эмоции – до полной неспособности критически взглянуть на происходящее. Страх диктатуры или просто истерическое состояние на время ослепили людей, бросившихся, чтобы любой ценой остановить эту технику, идущую через город посреди потоков гражданского транспорта. Стремление решить здесь и сейчас конкретную задачу отключило у политизированных москвичей способность задать себе вопросы: почему техника пошла не ночью, почему нужно было проводить ее через центр города, почему военные так легко послушались и развернули своим колонны от Манежной площади? Позднее можно было бы спросить и о причинах бесперебойной работы всех основных систем связи и электропитания у противников путча, о полном провале объявленного комендантского часа.

В 12.00 стихийный митинг у здания Моссовета остановил колонну БТР, пытавшуюся пройти в сторону Кремля. Военные не знали, что им делать, и через полчаса развернули свои машины. Примерно в то же время начался немногочисленный митинг на Манежной площади. Мегафоны были слабыми, никто ничего не слышал. Да и выступать было не о чем – никто не имел достоверной информации о происходящем. Выступающие толкались на импровизированной трибуне, торопясь войти в историю. Но это им не удалось. Они так и остались людьми толпы, которую не знали, куда вести и к чему призывать.

Толпы московской интеллигенции искали себе применения, чувствуя значимость момента. Они кричали: «Фашизм не пройдет!», – и призывали отдать под суд членов ГКЧП. Увидев лидера ЛДП (еще «советской» организации – единственной разрешенной тогда партии помимо КПСС) Жириновского, по слухам поддержавшего ГКЧП, демонстранты обратили его в бегство с криками: «Фашист!».

С утра никто еще не успел устать, и кипящая кровь требовала действия.

Примерно в 12.30 со стороны Большого театра появилась бронетехника. Весь митинг, собравший на Манежной площади несколько тысяч человек, побежал ее останавливать. Поскольку движение транспорта до этого никто не прекращал, нашлось немало водителей, пожелавших запереть въезд на площадь. Техника давить людей и машины приказа не имела и встала намертво. С полчаса командиры думали, что предпринять и, как и в других случаях, решили отступить. После того, как удалось пресечь проход БТР еще и вдоль Александровского Сада, большая часть разросшегося митинга с чувством выполненного долга ушла к Белому Дому. С этого момента Манежная площадь была плотно взята под контроль военными, перекрытыми все подъезды броней и оцеплением. Остановки колонн оказались совершенно бессмысленными, действия митингующих – безумными.

Толпа же, ушедшая к Белому Дому, кружила без дела и оживилась только при появлении колонны военной техники на Новом Арбате. Эта колонна тоже выглядела совершенно бесполезной. Ее остановила вызывающе декоративная баррикада. За баррикадой стояли люди,

и головная машина остановилась, словно натолкнувшись на стену. Толпа тут же обтекла несколько машин и попыталась вступить в диалог с военными. Ее сначала отгоняли страшным ревом двигателей, но потом моторы заглушили. Измотанные ночным переходом командиры экипажей в растерянности сидели на броне. По их словам, колонна должна была взять под защиту Белый Дом на набережной, и буйное негодование со стороны толпы воспринималось военными с недоумением.

То же самое творилось и со стороны Кутузовского проспекта. Оттуда чуть раньше подошли несколько танков. В то время как танкисты пытались понять, что делать дальше, ретивые молодые люди заталкивали в гусеницы длинные пруты арматуры. Ощущение игры особенно явно было видно на некотором удалении. Одни делали вид, что наступают, другие – что способны им в этом помешать. Причем игра со стороны «защищавшихся» происходила с искренним вдохновением. «Ребята, – кричали молодые мужчины, перетаскивающие на баррикаду садовую скамейку, – помогайте, а то перед детьми будет стыдно!»

До вечера было еще далеко. К 16.00 «баррикадники» стали разбирать мостовую, но только местами расковыряли ее.

Пронаблюдав все эти события лично, я несколько раз в тот день забегал в Моссовет, чтобы определиться: есть еще в столице советская власть или лидеры ее уже разбежались. Московские депутаты бродили по коридорам и сбивались в кучку в состоянии полной растерянности. Так же, как и уличная толпа, они совершенно не знали, что им делать. Противника как такового не было, сессию созвать было невозможно (большая часть депутатов была в отпусках далеко от столицы), никаких планов на случай чрезвычайных ситуаций не существовало, и даже отдавать приказы было некому.

Собрание депутатов было организовано уже в 11.00, но оно было малолюдным: дело было не только в отсутствии отпускников, но и в том, что особо приближенная к руководству Моссовета часть народных избранников сразу бросилась в Белый Дом, не думая о городе, своих избирателях и своих коллегах. В Моссовете взять руководство на себя было некому. Поэтому депутаты не смогли ни заняться организаторской работой, ни принять какого-либо обращения против ГКЧП. Одно хорошо: кто-то додумался собирать подписи против переворота. Вот только дорого бы это обошлось, если бы «путчисты» играли всерьез и до конца. Если бы они победили, то списки так ничего и не сделавших активистов сопротивления были бы готовы для «компетентных органов». Кстати, в эти дни погибли в огне многие архивы общественных организаций и частных лиц. В страхе за себя и за других люди уничтожали потенциальный компромат: одни боялись ГКЧП, другие – «демократов».

Вместо сессии собрался расширенный Президиум Моссовета, председатель которого застрял в Форосе где-то рядом с заблокированным там Горбачевым. Осторожные члены Президиума принимать решения не хотели, кроме одного: Президиум решил, что ему нужно собираться в узком кругу без остальных депутатов. Лишь к 21.00 появилось заявление Президиума в поддержку обращения Ельцина к гражданам России и призывом содействовать избранным народом органам власти. Впрочем, в информационные агентства оно почему-то не попало. А на следующий день к полудню вышло странное по стилю обращение к военным: *«Братья! Старая партийная верхушка делает последнюю отчаянную попытку сохранить свою власть и привилегии. Те, кто роскошно жил за счет нищего народа в своих особняках и дачах, снова хотят утопить в крови тех, кто борется за право на землю, за право жить по-человечески. <...> Каждый из вас даст ответ перед Богом и людьми за то, как он поступил сегодня. Не убий!»* Чувствовалось, что текст авторский и принят второпях. У органа власти такой интонации быть не должно. Президиум как бы расписался в том, что он – не орган власти.

Подвига депутатов не произошло, потому что советской власти действительно уже не существовало. Лидеры победивших в Москве «демократов» тайно сговорились с той частью коммунистической номенклатуры, которая готовила переворот и разрушение страны. Полно-

мочия депутатов были узурпированы узкой группой лиц во главе с Гавриилом Поповым, который поставил Москву в фарватер ельцинской политики – изменнической и убийственной для государства.

С тех пор во всех видеоматериалах о «путче» неизменно присутствует сюжет: Ельцин залезает на танк и, вытащив бумажку, читает какой-то указ. Ощущение такое, что вокруг стоит громадная толпа. Однако соответствующие видеокадры обычно просто монтируют к этому выступлению. Хотя, в самом деле, в 13.00 Борис Ельцин взобрался на танк и обратился к москвичам. Ничего особенного не сказал. Только потребовал вернуться к нормальному конституционному развитию. Но впечатление у присутствующих вызвал огромное. (По-видимому, так в свое время потряс толпу Ленин, взобравшийся на броневик.) Правда, присутствующих было от силы пара сотен. Вокруг было полное безлюдье, по набережной транспорт продолжал свое привычное движение: политики боролись за власть, любители митингов митинговали, а город жил своей жизнью.

На исходе дня появился еще один указ Ельцина о том, что до созыва внеочередного Съезда депутатов СССР все союзные органы исполнительной власти переходят в непосредственное подчинение Президенту РСФСР. Отчаянность и нелепость этого Указа пугала. «Коль скоро Ельцин подписывает такие истеричные Указы, – подумал я, – дело действительно дрянь». Потому что такую нелепость, лишенную каких бы то ни было признаков законности, можно было городить только от отчаяния. Выходит, положение было отчаянным? Тогда мне подумалось именно так. Но последующие события показали, что это ошибка. ГКЧП не собирался брать власть, страхи, что наступят тяжелые времена политических репрессий, были напрасными. Наступили другие времена, куда более тяжелые, чем можно было ожидать в те дни.

В 20.00 Ельцин выступил с балкона Белого Дома. Опять в его речи был минимум новизны, зато у массы было много эмоций. Заработало радио, расположенное внутри Белого Дома. Успевшим пройти внутрь энтузиастам раздавали автоматы, а потом распределяли их по многочисленным подъездам. Москвичей призывали на защиту российского парламента в мегафоны и по радио. Хотя защищать здание с огромными окнами было просто невозможно. То есть призывали людей на убой. В случае заварушки пространство было бы усыпано трупами. Так и произошло в 1993 году. Но в 1991-м о возможности такого исхода мало кто думал. Всем хотелось быть героями, многие даже делали вид, что готовятся к смерти. Но реально никто и не думал, что оружие будет применено.

Десять танков Таманской дивизии (как потом выяснилось, без боекомплекта) охраняли «танкоопасные» направления у резиденции российских властей. Командир этой группы впоследствии сгинул где-то в лабиринтах армейской бюрократической машины. Может быть, сослуживцы ему не простили его причастности к разрушению державы. А может быть, он сам понял, в какую историю вляпался, и предпочел больше никак в ней не фигурировать.

К 23.00 к танкистам прибавилась рота десантников во главе с заместителем командующего ВДВ генерал-майором Лебедем. Сам командующий ВДВ генерал Грачев, по всей видимости, уже согласился на пост министра обороны в будущем правительстве и начал выполнять распоряжения Ельцина. Роль Лебеда до сих пор остается неясной. Сам он впоследствии писал, что «путч» был опереточный, но тогда на него вполне могли возложить какую-нибудь кровавую задачу.

Итоги первого дня большого политического спектакля поддержали у людей высокий уровень страха и ожиданий исторических событий. «Путчистами» были захвачены средства массовой информации, изданы грозные распоряжения с далеко идущими последствиями, объявлен комендантский час в Москве. Слухи доносили, что вблизи кольцевой дороги наблюдается массовое перемещение войск. В ночь у Белого Дома горели костры. Пикетчиков подбадривал И. Силаев, пообещавший через громкую связь зачесть дежурство у костров как полный рабочий день и оплатить его в двойном размере.

Второй акт спектакля: «Народное восстание»

Первыми восставшими с утра 20 августа оказались брокеры – гордое племя, почитавшее уже тогда, что именно они и есть вершители судеб, новая элита, побросавшая свои профессии ради того, чтобы посвятить себя деньгам. Брокер в те дни казался каким-то «сверхдемократом». И вот эти «сверхчеловеки» вышли на демонстрацию. Человеческая начинка Российской товарно-сырьевой биржи выдавилась колонной, покрытой триколором длиной 120 метров. Этот флаг вызвал восторг у мелкорозничной толкучки близ Детского Мира, которая собралась, невзирая на «путч». Брокеры, двигаясь к Белому Дому, скандировали: «Долой хунту (КГБ, КПСС)! Ельцин! Россия! Свобода! Победа! Моссовет!»

Моссовет-то тут причем? Скорее всего, о Моссовете вспомнили по заказу Гавриила Попова, который имел свои виды на брокеров, а те – на него.

Всего через несколько дней те же брокеры удивили Москву полотнищем вдвое большей величины. На сей раз причина их выступления была куда прозаичнее. Они требовали освобождения арестованного собрата и провели митинг перед Белым Домом, исполнив наспех сострепанный «Гимн свободе». На этом митинге (30 августа) брокерский лидер Константин Боровой уже заявил: *«Никакой революции не произошло: коммунисты-демократы победили руками народа коммунистов-фашистов».*

Прошло еще немного времени, и в мае 1992 года Боровой остановил торги на РТСБ: *«Партию экономической свободы должны учредить вы, которые остановили путч, которые не боялись пожертвовать собой ради свободы, которые спасли Россию».* Партию учредили брокеры – спасители Отечества! Потом злые языки называли ее Российской товарно-сырьевой партией. А еще чуть погодя отпала необходимость и в партии, и в Боровом. Потому что «сверхдемократам» никакой свободы, кроме «экономической», не было нужно. Слишком уж много стало этой золотиносной «свободы», чтобы терять время на митинги и партсобрания. А еще через год повторить свой маршрут с флагом длиной в 400 метров оставшимся верным партийному проекту брокерам не позволил Лужков. Они плакали от обиды. Но плакали недолго.

В то время мы – малая группа депутатов Моссовета и ближайших друзей – устроили в созданном нами же Общественном центре (убогие помещения в переулках близ Тверской, 13) нечто вроде штаба. Все партийные группки знали, что сюда можно прийти и получить информацию. Так и получилось: партийные гонцы, ранее толкавшиеся здесь в изобилии, теперь с горящими глазами убегали куда-то в пространство. И все же несколько человек остались, не соблазнившись опереточным статусом «баррикадника», и работали, собирая и распространяя информацию. Сведения о действиях «путчистов» и противостоящих им силах в республиках и областях в Белый Дом и Моссовет прорывались с трудом, и Общественный центр образовывал альтернативный канал информации. Передавались сообщения об Указах Ельцина и обстановке в Москве, зачитывались в телефонную трубку документы. Поскольку мы, тогда еще очень молодые люди, думали, что все происходящее надо воспринимать всерьез, то наша работа предусматривала также организацию с 22 августа всемоосковской забастовки. Правда, главными противниками этой идеи стали «поповско-лужковские» кадры. Они-то точно знали, что никакого сопротивления «перевороту» создавать не нужно, потому что никакого переворота просто не существует.

Сцена была переполнена декорациями и героическими персонажами.

Утренняя картина массового народного гулянья вдоль баррикад перед Белым Домом с фотографиями на память около танков на фоне голубого неба говорила: совершеннейший спектакль! Но, очевидно, это было видно только со стороны. Участники массовки фальши не замечали, они наслаждались призраком свободы!

С 12.00 здесь начался непрекращающийся многочасовой митинг. Большой праздник требовал большого шума. Снова выступил Ельцин, потом появился вернувшийся из дальних мест отдыха Гавриил Попов. Позднее раскалившийся микрофон радио российского парламента плотно занял Сергей Станкевич. Он же первым объявил, что в ближайшее время может быть предпринята попытка штурма Белого Дома.

Станкевич умел в нужный момент оказаться в нужном месте при микрофоне и информации. Во время путча 1991 года он стал глоткой сопротивления ГКЧП. Победа была добыта горлом: у ГКЧП не было ни слов, ни дел, а у ельцинистов было много словоохотливых сторонников. Вся информация на пространство вокруг Дома Советов транслировалась узнаваемым голосом, Станкевич через усилители проникал в души защитников Белого Дома. Любая поступающая информация и дезинформация принималась сначала с голоса Станкевича.

Человек работал в поте лица, понимая, что такой возможности для набора политического веса у него больше может не быть. Станкевич просчитался: не подкрепил недолговечную любовь толпы солидным административным весом. Но он не справился и с управлением толпой. Когда Боровой со своими брокерами, отмечая провал августовского «путча», принял решение снести памятник Дзержинскому на Лубянской площади, Станкевич пытался остановить толпу. Он кричал, что «железный Феликс» может свалиться и пробить своды метро. В его распоряжении были мощные динамики, но толпа не хотела слушать своего вчерашнего кумира. Под покровом ночи обстановку разрядили те, кто действительно выиграл в августе: «железного Феликса» демонтировали с помощью мощной строительной техники номенклатурные хозяйственники – на тот момент криминально-мафиозные, а всего через несколько месяцев – олигархические круги.

Станкевич назвал «хунвейбинских специалистов по сносу памятников» случайными людьми (телебеседа 27.08.91). Но случайным в этом спектакле оказался все-таки сам Станкевич, получивший от Ельцина за свои микрофонные страдания лишь пост советника. И выше этого невнятного статуса он уже никогда не поднимался.

Телеведущий (кто-то из легких фигур номенклатуры) в передаче об августовских событиях заискивающе напомнил, что 20 августа господин Станкевич лучился уверенностью в победе. И Станкевич разыграл предложенную комбинацию, кокетливо отрицая такой примитивный образ. За внешней уверенностью, как оказалось, скрывался глубоко переживающий человек. Он, как выяснялось на глазах телезрителей, был уверен в установлении полувоенного режима на 5–7 лет. То есть принял спектакль всерьез. Зрители жаждали на политической сцене именно таких героев, и им было неинтересно, что творится за кулисами. А для Станкевича закулисная игра оказалась, в конечном счете, слишком сложной.

К вечеру 20 августа Ельцин, поговорив по телефону с президентом США Дж. Бушем и премьером Великобритании Мейджором, стал звонить председателю ВС СССР А. Лукьянову (через двое суток тот будет объявлен «главным идеологом переворота»). Лукьянов, сославшись на министра обороны Язова и шефа КГБ Крючкова, сказал, что ни о каких планах штурма Белого Дома ему неизвестно. Тут же с Ельциным связался и глава ГКЧП Г. Янаев, заявивший, что ему тоже неизвестно о каких-либо планах штурма и что он готов отменить такой приказ, если он где-либо существует. Все эти переговоры тогда никому известны не были, и ГКЧП клеймили с невероятным усердием, ожидая штурма, многократно обещанного Станкевичем.

Совсем уж погружаясь в бред, информационные агентства сообщили, что руководящий «обороной» Белого Дома генерал-полковник К. Кобец направил невесть откуда взявшегося «верховноглавнокомандующего казачьими силами России» в конный полк киностудии «Мосфильм» для получения лошадей и оружия, «необходимых казакам для защиты Президента России».

Информационная истерия нарастала. Всюду искали танки. А между тем, начался вывод войск из столицы. Мне довелось в ночь с 20 на 21 августа пройти маршрутом от Моссовета

до Белого Дома. Я опасался, что нарвусь на патрули и буду арестован. Проходя по безлюдным улицам, я заглядывал за угол на каждом повороте. И с изумлением обнаруживал, что на улицах нет никого: подступы к Белому Дому были совершенно свободны. Жертвенная толпа мокла перед зданием парламента под обильным дождем совершенно впустую. За нарушение комендантского часа никого не преследовали, Москва мирно смотрела августовские сны, а военные контингенты тихо покидали столицу.

Ожидая штурма, защитники парламента выстроились вокруг здания плотными рядами и наладили жесткую пропускную систему. По радио голосом Станкевича транслировались сообщения – одно страшнее другого. Люди изматывали себя в крайне взвинченном состоянии, считая, что совершают подвиг и в любой момент могут погибнуть. Я смотрел на этих стоящих «живым кольцом» людей, недоумевая: зачем все это? Если оборонять парламента, то зачем же превращаться в пушечное мясо? Если не от кого оборонять, зачем тут мокнуть?

Я обошел все эти «живые баррикады», все время предъявляя удостоверение депутата Моссовета. На меня смотрели с недоверием, но запретить проход не решались. Однако меня все-таки настойчиво пригласили к какому-то человеку в военной форме, который стоял на каком-то ящике и озираал людей вокруг с видом Наполеона. Изучив мое удостоверение, он не нашел в нем ничего подозрительного, но подозрения насчет меня у него, видимо, остались. Тем не менее, повода для каких-то распоряжений на мой счет у него не было, и я был отпущен свободно бродить среди странных композиций из человеческого материала.

Увидев у парламента только коллективный психоз, я отправился обратно в Моссовет. По пустынным улицам, уже никого не боясь и в полной уверенности, что народ просто обдурили.

В Моссовете в тот день энергично заработал штаб по чрезвычайному положению, собиравший сведения о перемещениях военной техники по городу и занимавший значительную группу депутатов разговорами на эту тему. Три человека беспрерывно отвечали на телефонные звонки, пытались связываться то с Белым Домом, то с командующим Московским военным округом, то с военным комендантом. Еще человек тридцать напряженно слушали радио, обсуждали слухи, переполнявшие эфир, и анализировали прогнозы, переполнявшие головы. Организовывать полезную деятельность было некому, и немногочисленные депутаты просто ждали появления вооруженных людей, безотчетно желая пострадать и прославить себя участием в сопротивлении.

Героизм в депутатские сердца нагнетался потоками дезинформации, поступающей по радио из Белого Дома. Целые дивизии входили в город и бесследно исчезали в нем, колонны танков то и дело готовились к штурму, со всех сторон надвигался ОМОН. Пугая друг друга этими слухами, депутаты и разные «специалисты» по военным делам переполнялись гордостью за собственную стойкость.

Многие московские депутаты пытались работать в индивидуальном порядке на баррикадах, в штабе обороны Белого Дома, в районах. Но оказалось, что «родная мэрия» не собирается делиться славой подавления «путча» с депутатами. Этот подвиг должен был совершить аппарат и только аппарат. Черновая работа активистов-энтузиастов должна была потонуть в общем торжестве демократии. Так и получилось: славы на всех не хватило, и многим из тех, кто тогда думал, что защищает демократию, через очень короткое время был присвоен титул «красно-коричневых».

Бюрократия свое дело знала. Она не терпела праздношатающихся масс. А потому замещающий мэра Лужков поторопился издать распоряжение о прекращении допуска в Моссовет кого-либо, кроме депутатов. Добровольные помощники, решавшие, к примеру, задачу доставки бетонных блоков к Белому Дому, проникали в Моссовет только после напряженных разговоров депутатов с начальником охраны. Впрочем, эти бетонные блоки негодились. Зачем городить настоящие укрепления, чтобы через пару дней тратиться на их разборку?

Своеобразно действовал и сам мэр Г. Попов, на небольшом совещании предложивший депутатам не подставлять лбы под пули и идти спать домой. Сам же Гавриил Харитонович обещал оставаться в Моссовете с небольшой группой до конца (то ли дня, то ли дней своих), но после депутатского собрания тут же уехал в Белый Дом. Тоже за славой и подальше от беззащитного и полупустого Моссовета. Охрана Моссовета, присланная Грачевым, которую все приняли за войска ГКЧП, была снята. Несколько милиционеров могли защитить Моссовет только от случайных посетителей. Зато начальник ГУВД Мыриков предупредил работников мэрии о готовящемся штурме красного здания на Тверской, и чиновники ретировались столь быстро, что даже не известили об опасности депутатов. Только спасающийся бегством любитель Попова, ныряя в автомобиль, случайно привлек к себе внимание воплями: «Сейчас здесь такое будет!» Так и сидели то ли испуганные, то ли обрадованные депутаты в своем штабе и готовились принять мученическую судьбу. Депутат-журналист, отправляясь к Белому Дому, надевал бронежилет, и на его лице появлялась грустная решимость пойти на смерть. У тех, кто бронежилета не имел, лица были более спокойными.

В моссоветовском штабе отставной генерал важно руководил размещением флажков на карте Москвы. Сообщения о перемещении войск поступали по телефону и тут же превращались во флажки на карте. Сообщений много и флажков много. Только куда девались только что зарегистрированные части, понять было нельзя. После моей информации о том, что никакой военной техники в районе Белого Дома нет, генерал-консультант заключил: пространство расчищено для атаки сходу.

Словом, штурм ждали, но его не было и не могло быть. Утром 21 августа на уставших лицах читалась досада. Так ничего и не произошло.

И все-таки все журналисты, которые когда-либо что-то говорили, писали или снимали об «августовском путче», убеждены, что штурм был. И многим заморочили голову этим «штурмом». На самом деле было некое событие, которое героическим «сверхдемократам» хотелось бы считать боем, хотя в действительности произошло недоразумение.

Около полуночи радио сообщило, что начался штурм, и бронетехника в количестве 20 единиц прорвала первую линию обороны. Это была фантазия. Но спектакль требовал достоверности, а кровь – нечто очень достоверное. И кровь пролилась на пересечении Нового Арбата и Садового Кольца. Несколько боевых машин пугнули мешающих им проехать баррикадников выстрелами на Садовом Кольце у американского посольства. Потом, уже удаляясь от Белого Дома, они были заблокированы в тоннеле: троллейбусами с фронта и тяжелыми поливальными машинами с тыла. Попытившиеся назад БМП не смогли сдвинуть заграждение и, напуганные агрессивной толпой, решили прорываться вперед – через баррикаду из троллейбусов. Потом один из горелых троллейбусов пару лет стоял у Музея революции, переименованного в Музей современной политики. За непродолжительное время оценка событий в обществе резко изменилась, а корпус троллейбуса проржавел и стал походить на экспонат со свалки. Пришлось убрать это свидетельство революционной бутафории.

Отчего пролилась кровь? Оттого, что у ненавоевавшихся людей (скорее всего, бывших «афганцев») возникло желание захватить попавшую в ловушку технику. Оказавшись в западне, военные занервничали. И было от чего. Вместо диалога, как это было в других случаях, в ход пошли бутылки с зажигательной смесью, с одной стороны, и автоматные очереди в воздух – с другой. Разгоряченные алкоголем и возбужденные коллективным психозом, разливавшимся через динамики у Белого Дома, энтузиасты организовали локальный акт гражданской войны.

Люди погибли при разворотах БМП, пытавшегося предотвратить захват и сбросить с себя накинутый какими-то «умниками» брезентовый полог. Ответственность за пролитую кровь лежит не только на тех, кто отдал приказ ввести войска в город, но и на тех, кто нагнетал по радио истерию, кто бросал бутылки с зажигательной смесью, рискуя не только собственной жизнью, но и жизнью солдат, и жизнью тех, кто стоял у гусениц БМП.

В своих воспоминаниях Ельцин деловито описывает свое пробуждение от выстрелов на Садовом кольце и почти состоявшееся бегство. Всеобщий испуг заставил охрану Президента России приступить к его эвакуации в американское посольство. На него напялили бронежилет и засунули, как бревно, в машину. Американцы уже были готовы оказать помощь. И тут только Ельцин очнулся, похолодев от мысли о том, что о нем подумают его защитники. В октябре 1993 года ни Хасбулатову, ни Руцкому мысль о бегстве не приходила в голову даже под огнем ельцинских танков. Американцы помощи тоже не предлагали.

В августе 1991 года рисковали жизнями людей также те, кто призывал москвичей своими телами прикрыть российское правительство и все время занимал данные о защитниках Белого Дома примерно на порядок. Сотни тысяч москвичей, по сути дела, оказались в зоне огня между двумя вооруженными группировками. Толпа у Белого Дома удерживалась волнами истерии, нагнетаемыми лживой информацией по громкоговорителю. Опровержение одной ложной информации постоянно сопровождалось новой ложью.

Пока шумели о штурме, войска выходили из города. Поначалу, не поняв интриги, помощник мэра Е. Савостьянов сообщил об этом РИА и посетовал на «трагические недоразумения», которые происходят, когда военные случайно сталкиваются с ранее созданными баррикадами и активными пикетчиками. Если же войскам не мешать, то они тихо уйдут, говорил Савостьянов в три часа ночи. Но к утру недоразумение на Садовом Кольце стало, по версии журналистов, бешеным штурмом.

Зато пришлось пожертвовать менее важной информацией (дезинформацией!). В конце концов, были без тени смущения опровергнуты громогласно распространяемые высокими должностными лицами слухи о высадке десанта в районе подмосковной Кубинки и на Ходынском поле, о концентрации танков Кантемировской дивизии в районе Кутузовского проспекта, известие о штурме Моссовета, информация об аресте П. Грачева, данные о всеобщей забастовке шахтеров, остановке ЗИЛа, завода «Калибр» и других крупных предприятий Москвы.

Штурм не было, как не было и баррикад. Был фальшивый штурм и декоративные баррикады, фальшивый путч и фальшивые герои. Лишь кровь человеческая была настоящей.

Новая реальность

Поверхностный взгляд на трагические события августа 1991 года в Москве дает однозначные выводы о победившей демократии, о срыве попыток партаппарата вернуть себе власть и т. п. Действительно, опыта ликвидации политических авантюр у граждан России до сих пор не было, и ждать особенной глубины анализа от толпы, скандирующей «Ель-цин! Ель-цин!» не приходится. Зато в частных разговорах недоумение возникает. «Путч» уж слишком напоминал спектакль, его последствия просматривались буквально с первого дня.

Но для придания правдоподобности этому политическому спектаклю режиссерам пришлось подмешать в события кровь, отчего возникли сложности с изобличением событий «путча», как фарса политиканов. Фарс был превращен в трагедию. А эйфория победы, также запрограммированная режиссерами, отшибала трезвое восприятие. Поэтому в те дни как-то не воспринималось как постыдное предложение о присвоении Ельцину звания Героя Советского Союза, и утверждение о том, что москвичи отработали свои карточки на баррикадах (автор того и другого – Гавриил Попов), и многое другое.

Если мэр Москвы и демократизованные журналисты строили словесные мифы, то подчиненные градоначальства активно создавали собственный героический образ. После ликвидации ГКЧП мэр и его компания старались всячески подчеркнуть свою роль в сооружении баррикад у Белого Дома. Но, несмотря на распоряжение Лужкова, железобетонные конструкции так и не были доставлены к парламенту России в ощутимом количестве, тяжелая строительная

техника лишь обозначила свое присутствие в отдельных точках. Может быть, распоряжение и не предполагало ревностного исполнения?

Из дневника автора:

«До штаба генерала Кобеца дозвониться оказалось неожиданно легко. «Куда разгружать бетонные блоки?», – спросили мы. «Куда хотите. В любое место», – был ответ. Это означало, что никаких серьезных баррикад не построено. Одна фикция.

Разговоры о машинах, груженных песком, оказались ложью. Там не было ровным счетом никаких машин. По этому поводу через помощника мы пытались найти начальника Мосстройкомитета Ресина. Его радиотелефон в машине упорно не отвечал, молчали и другие телефоны.

От чиновника транспортного отдела администрации мы узнали, что Лужков распорядился метро не останавливать ни в коем случае. Наши попытки подготовить остановку наземного транспорта тоже не вызвали энтузиазма в транспортном отделе. Всерьез сопротивляться ГКЧП никто не хотел».

В итоге театрализованные декорации и словесные мифы привели к вовсе не театральным переживаниям и политическим сдвигам. Не за горами было окончательное перерождение оплодотворенной «демократией» номенклатурной команды в свирепую воровскую шайку.

В одном из телеинтервью (16.03.92) ближайший соратник Ельцина Г. Бурбулис сказал: «Мы создаем новую реальность. Мы вылечим больного, вопреки ему самому». Это необходимо помнить – так они создавали и создают новую реальность!

После подавления «путча» ГКЧП было объявлено, что маршал Ахромеев повесился, а шеф МВД Б. Пуго пустил пулю в лоб. Немногим позже поступило сообщение, что выпрыгнул из окна управделами ЦК КПСС. Все эти смерти, по официальной версии, были самоубийствами. Но информация, которой обладали уходящие таким путем из жизни люди, была столь опасной для дальнейшего перераспределения партийного наследства, что эта версия становится весьма сомнительной. (Взять хотя бы тот факт, что дачный городок ЦК и МГК КПСС в Кунцево отошел «Попов-фонду», а одним из учредителей этого фонда стал заместитель управляющего делами ЦК КПСС Лещинский. Кто помогал расхищать добро, остался жить.) Более правдоподобная версия состоит в том, будто важным особам намекнули, что по итогам последних событий их ближайшим местом обитания будет общая тюремная камера, в которой присутствие высокопоставленных гостей доставит блатным особое удовольствие (в 1994 году о таком варианте ведения следствия открыто говорилось в специальной телепередаче).

Что же получили в конце концов «путчисты»? Те, кто понял, что почва уходит из-под ног, что со страной кончено, кто не желал издевательств всякого хамья, торопящегося доказывать свой «демократизм» – те ушли из жизни. Могила маршала Ахромеева на время стала местом паломничества коммунистической оппозиции. Армия Грачева забыла и маршала Ахромеева, и многих-многих других. Забыли и Пуго. Слегка воспрянули от личной катастрофы только А. Лукьянов да В. Стародубцев. Оба почти сразу из тюремной камеры пересели в кресла депутатов Госдумы.

Смерть или изоляция высших чиновников, не решившихся включиться в новый номенклатурный клан, была необходима для того, чтобы покрыть мраком происхождение капиталов, намытых из партийного золота. Послепутчевые разговоры – хорошая информация к размышлению о том, кто и как делил наследство КПСС.

Горбачевский «серый кардинал» А. Яковлев утром 21-го августа гулял по Моссовету в очень веселом состоянии. Вероятно, они с Г. Поповым уже обсудили к тому моменту вопрос о создании новой номенклатурной партии – «Движения демократических реформ» (ДДР). А в телеинтервью тот же А. Яковлев вскоре раздавал характеристики своим бывшим коллегам по старой номенклатурной партии, опрокинутой в августе. Он говорил о том, что Лукьянов – ястреб (такая оценка, вероятно, и позволила засадить Лукьянова в тюрьму), зато Пуго –

слабохарактерный, осторожный, совестливый человек. Прожденного политика удивил Язов (как и Яковлев, он был лейтенантом в годы Великой Отечественной войны): *«Казалось, он останется солдатом»*.

А ведь Яковлев и те, кого он оценивал, были начальниками одной армии – генералами от номенклатуры КПСС, осуществлявшими совместный контроль за своим главнокомандующим и его генеральным штабом. Всего за год до разгрома ГКЧП Яковлев в другой телепередаче (по поводу демонстрации 1 мая 1990 года) расценивал трехцветный российский флаг, как дурной символ «монархистов с анархистами», а демонстрацию оппозиции – как вылазку ультраправых (он называл их «ряжеными»).

В послепутчевой дележке собственности и власти не только полузабытое прошлое нужно было покрыть мраком, но и недавние события сохранить в их мифологизированном виде. Решая эту задачу, Г. Попов выступил против каких-либо комиссий по расследованию, созданных представительными органами (телеинтервью 27.08.91). Достаточно, мол, комиссий при исполнительных органах. То есть истинный сценарий переворота надо было упрятать подальше, чтобы наивные депутаты не раскопали чего-нибудь непозволительного. Его стараниями материалы комиссий ВС СССР и Моссовета так никогда и не были опубликованы.

Вместо этого московский мэр призывал к проведению политической чистки для того, чтобы «силы путча» потерпели окончательное поражение («МК», 24.09.91). Потом еще почти год Попов пугал публику угрозой нового переворота, и лишь к годовщине разгрома ГКЧП успокоился. Его просветленное сознание посетила догадка, что демократы так и не смогли взять власть, что они сумели всего лишь расчистить место для реформаторов от номенклатуры. Однако не жалел Попов ни о чем: «Я всегда буду гордиться тем, что в дни путча всеми силами помогал свергнуть отживший, угрожающий будущему России строй. Но я никогда не прощу себе того, что мог сделать больше, но не сделал – как демократ, как идеолог и теоретик, как российский интеллигент, просто как гражданин» («Известия», 24.08.92).

Сейчас очевидно: это было действительно свержение, контрпереворот, а не «демократическая революция». Это был пролог декабрьского «ропуска» СССР и октябрьского переворота 1993 года. Беспримерную лживость организаторов того и другого переворота может показать попытка приложить приведенные в начале главы цитаты из документов к октябрьским событиям 1993 года. Почти все слова обращения ГКЧП могут быть приписаны Ельцину и его сторонникам. Откуда ушли, туда и пришли. Одну маску сменили другой. Доверчивые купились на это, но те, кто сохранил память и здравомыслие, многому научились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.